Пелам Гренвилл

ВУДХАУС

Сэм Стремительный

Пелам Гренвилл Вудхаус
Сэм стремительный

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142408
Вудхаус, П.Г. Перелетные свиньи : АСТ: Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-067821-1, 978-5-271-29789-2
Оригинал: Pelham Grenville Wodehouse, “Sam the Sudden”
Перевод:
Ирина Гавриловна Гурова

Аннотация

Обаятельный молодой человек Сэм Шоттер по настоянию своего американского дядюшки отправляется в Англию, чтобы обрести самостоятельность и порвать с экстравагантным образом жизни, который так досаждает его состоятельному родственнику. Сэм, исполненный благих намерений, ступив на землю туманного Альбиона, попадает в эпицентр увлекательнейших историй – любовной и криминальной – и с легкостью, достойной восхищения, распутывает все жизненные узлы и становится счастливым обладателем клада и… прекрасной спутницы жизни.

Содержание

1. Сэм отправляется в путешествие 4
2. Кей из Вэлли-Филдз 21
3. Морякам все равно 43
4. Сцена перед модным ночным клубом 53
5. Тягостное происшествие у кофейной палатки 62
6. Друг в беде 67
7. Сэм в «Сан-Рафаэле» 74
8. Сэм в «Мон-Репо» 82
9. Завтрак на одного 86
10. Сэм находит фотографию 89
11. Сэм снимает дом 95
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Пелам Гренвилл Вудхаус
Сэм Стремительный

1. Сэм отправляется в путешествие

Солнце позднего августа с утра поджаривало Нью-Йорк все жарче, жарче, и к трем часам дня население города, исключая небольшое общество, собравшееся на десятом этаже Уилмот-Билдинга (Верхний Бродвей), по своего рода естественному разлому разделилось на две полновесные части. Составлявшие одну бродили сонными мухами и спрашивали всех встречных: «Жарко, а?» Сплоченные во второй утверждали, что жара – это ерунда, но вот влажность!

Ажиотаж на десятом этаже Уилмота вызвало спортивное состязание первостепенной важности – финал чемпионата по взбрыкиванию среди конторских рассыльных. Титул оспаривали Штырь Мэрфи из компании Джона Б. Пинсента «Экспорт-импорт» и стройный гибкий юноша из корпорации «Щипчики для бровей, пилочки для ногтей».

Поединок происходил в помещении первой из упомянутых фирм перед малочисленной, но избранной публикой. Три-четыре жующие резинку стенографистки, парочка-другая рабов потогонной системы без пиджаков и Сэмюэл Шоттер, племянник мистера Джона Б. Пинсента, молодой чело-

век симпатичной наружности, взявший на себя обязанности рефери.

Но Сэм Шоттер был не только рефери, а еще меценатом и организатором чемпионата – без его предприимчивости и провидения несметное богатство юных талантов прозябало бы в безвестности, ставя под угрозу шансы Америки на Олимпийских играх, буде их программа украсится еще и этим видом спорта. Именно Сэм, бродя по лабиринту конторы в неусыпных поисках, чем бы облегчить зеленую скуку работы, чуждой его вкусам, наткнулся в дальнем коридоре на юного Мэрфи, который отрабатывал у стены приемы взбрыкивания, и укрепил его в честолюбивом стремлении вскидывать ногу все выше и выше. Именно он устраивал встречи между представителями фирм на всех этажах здания. И это он из собственного кармана извлек призовую сумму, которую, когда натренированная нога Мэрфи ударила по штукатурке на целый дюйм выше достижения его соперника, приготовился вручить Штырю, сопроводив церемонию небольшой теплой речью.

– Мэрфи, – сказал Сэм, – бесспорный победитель. В состязании, проведенном с начала и до конца в лучших традициях американского брыканья в высоту, он достойно поддержал честь «Экс. и имп.» Джона Б. Пинсента и сохранил свой титул. А потому, в отсутствие шефа, который, к сожалению, отбыл в Филадельфию, почему и не смог украсить эту встречу своим присутствием, я с большим удовольстви-

ем вручаю ему заслуженную награду, великолепную долларовую бумажку. Возьми ее, Штырь, дабы в будущем, став седовласым муниципальным советником или кем-нибудь почище, ты мог бы вспомнить эту минуту и сказать себе…

Сэм умолк, оскорбленный в своих лучших чувствах. Ему казалось, что говорит он очень красноречиво, но его аудитория испарялась прямо на глазах, а Штырь Мэрфи и вовсе удирал во все лопатки.

– Сказать себе…

– Когда у тебя выберется свободная минута, Сэмюэл, – раздался голос у него за спиной, – я был бы рад побеседовать с тобой у меня в кабинете.

Сэм обернулся.

– А, дядюшка, как вы? – сказал он.

И кашлянул. Мистер Пинсент тоже кашлянул.

– Я думал, вы уехали в Филадельфию, – сказал Сэм.

– Вот как? – сказал мистер Пинсент.

И без дальнейших слов прошествовал в свой кабинет, откуда секунду спустя появился снова с терпеливо-вопросительным выражением на лице.

– Подойди сюда, Сэм, – сказал он, указывая пальцем. – Кто это?

Сэм заглянул в дверь и увидел развалившегося во вращающемся кресле тощего долговязого мужчину отвратного вида. Его большие ступни уютно покоились на письменном столе, голова свисала набок, рот был разинут. Из это-

го рта, весьма внушительных пропорций, вырвался булькающий всхрап.

– Кто, – повторил мистер Пинсент, – этот джентльмен?

Сэм невольно восхитился безошибочности инстинкта своего дядюшки, этой потрясающей интуиции, которая сразу же подсказала ему, что раз непрошеный и незнакомый гость почивает в его любимом кресле, значит, ответственность за это по необходимости падает на его племянника Сэмюэла.

– Боже мой! – воскликнул Сэм. – А я и не знал, что он тут.

– Твой друг?

– Это Фарш.

– Прошу прощения?

– Фарш Тодхантер, ну, кок с «Араминты». Помните, год назад я попутешествовал на грузовом судне? Так он был там коком. Сегодня я столкнулся с ним на Бродвее и угостил его завтраком, а потом привел сюда: ему хотелось посмотреть, где я работаю.

– Работаешь? – переспросил мистер Пинсент с недоумением.

– Но я понятия не имел, что он забредет к вам в кабинет.

Сэм говорил извиняющимся тоном, но был бы не прочь указать, что во всех этих прискорбных происшествиях, в сущности, виноват сам мистер Пинсент. Если человек создает впечатление, будто едет в Филадельфию, а сам туда не едет, то за дальнейшее должен благодарить только себя. Од-

нако беспокоить дядюшку такой чисто академической тонкостью он не стал.

– Разбудить его?

– Будь так добр! А затем забери его отсюда, оставь где-нибудь и возвращайся. Мне надо сказать тебе очень много.

Встряска энергичной рукой понудила спящего открыть глаза, и, все еще в сомнамбулическом состоянии, он разрешил, чтобы его вывели из кабинета и проводили по длинному коридору в каморку, где Сэм исполнял свои ежедневные обязанности. Там он рухнул в кресло и вновь уснул, а Сэм покинул его и вернулся к дяде. Когда он вошел в кабинет, мистер Пинсент задумчиво глядел в окно.

– Садись, Сэм, – сказал он.

Сэм сел.

– Я очень сожалею, что все так получилось, дядя.

– Что – все?

– Ну то, что происходило, когда вы вошли.

– А, да! Кстати, что, собственно, происходило?

– Штырь Мэрфи доказывал, что может брыкнуть выше, чем мальчишка из фирмы ниже этажом.

– И брыкнул?

– Да.

– Молодец, – одобрительно заметил мистер Пинсент. – Без сомнения, матч организовал ты?

– Правду говоря, я.

– Ну еще бы. Ты работаешь у меня, – продолжал мистер

Пинсент ровным тоном, – три месяца. За этот срок ты умудрился полностью деморализовать лучший в Нью-Йорке штат конторских служащих.

– Ах, дядюшка! – с укоризной сказал Сэм.

– Полностью, – повторил мистер Пинсент. – Рассыльные мальчишки называют тебя по имени.

– С ними нет никакого сладу, – вздохнул Сэм. – Я отвешиваю им подзатыльники, но привычка оказывается сильнее.

– В прошлую среду я видел, как ты целовал мою стенографистку.

– У бедняжки страшно разболелся зуб.

– А мистер Эллаби поставил меня в известность, что твоя работа – позор для фирмы. – Наступила пауза. – Английские аристократические школы – проклятие нашего века! – произнес мистер Пинсент с чувством.

Посторонний человек, наверное, счел бы это умозаключение не идущим к делу, но Сэм понял его смысл и оценил по достоинству, как язвительнейший упрек.

– Сэм, в Райкине тебя учили хоть чему-то кроме футбола?

– О да!

– Чему же?

– О, многому чему!

– Никаких признаков этого мне заметить не удалось. И до сих пор не понимаю, почему твоя мать отдала тебя туда, а не в какой-нибудь солидный коммерческий колледж.

– Видите ли, там учился отец…

Сэм умолк. Он знал, что мистер Пинсент не питает особо теплых чувств к покойному Энтони Шоттеру и считает – возможно, с полным основанием, – что его покойная сестрица, выйдя замуж за этого приятного, но ненадежного человека, совершила величайшую глупость в своей легкомысленной и бестолковой жизни.

– Весьма веская рекомендация, – сухо заметил мистер Пинсент.

Возразить на это Сэму было нечего.

– Во многих и многих отношениях ты очень похож на отца, – сказал мистер Пинсент.

Сэм не отозвался и на этот удар под ложечку. Нынче они сыпались градом, но ведь он тут ничего поделать не мог.

– И все-таки я тебя люблю, Сэм, – продолжил мистер Пинсент после короткой паузы.

Вот это больше походило на дело!

– И я вас люблю, дядюшка, – сказал Сэм прочувствованно. – Когда я думаю, сколько вы для меня сделали…

– Но, – гнул свое мистер Пинсент, – ты, думаю, будешь мне нравиться даже еще больше, находясь в трех тысячах миль от конторы пинсентовской экспортно-импортной компании. Мы расстаемся, Сэм, – и сейчас же!

– Мне очень жаль.

– А я со своей стороны, – сказал мистер Пинсент, – так очень рад.

Наступило молчание. Сэм, сочтя, что на этом беседу мож-

но считать законченной, встал с кресла.

– Погоди! – сказал его дядя. – Я хочу сказать, как я спланировал твое будущее.

Сэм был приятно удивлен. Он никак не ожидал, что его будущее может интересовать мистера Пинсента.

– Вы его спланировали?

– Да, все улажено.

– Замечательно, дядюшка, – благодарно сказал Сэм. – Я думал, вы собираетесь выгнать меня в бушующую вьюгу.

– Ты помнишь, как познакомился с англичанином, лордом Тилбери, когда обедал у меня?

Еще бы Сэм не помнил! После обеда милорд зажал его в углу и разглагольствовал без передышки добрых полчаса.

– Он владелец издательства «Мамонт», выпускающего много ежедневных и еженедельных газет в Лондоне.

Сэм был об этом хорошо осведомлен – беседа лорда Тилбери носила почти исключительно автобиографический характер.

– Ну так он в субботу отплывает назад в Англию на «Мавритании», и ты отправляешься с ним.

– А?

– Он предложил использовать тебя в своем концерне.

– Но я же ничего не знаю о газетной работе!

– Ты ничего не знаешь ни о чем, – мягко указал мистер Пинсент. – Результат того, что ты обучался в английской аристократической школе. Однако ты вряд ли способен пока-

зать себя у него хуже, чем у меня. Вот эта мусорная корзинка стоит у меня в кабинете всего четыре дня, но она уже знает об экспорте и импорте больше, чем ты узнал бы, пробыв здесь пятьдесят лет.

Сэм испустил жалобный звук. Пятьдесят лет он счел некоторым преувеличением.

– От лорда Тилбери я ничего не скрыл, но тем не менее он намерен нанять тебя.

– Странно! – сказал Сэм, невольно чувствуя себя польщенным таким настойчивым желанием заручиться его услугами у человека, который видел его всего раз в жизни. Пусть лорд Тилбери редкостный зануда, но факт остается фактом: он обладает тем даром, без которого невозможно разбогатеть, тем таинственным, почти сверхъестественным даром распознавать талантливого человека при первой же встрече.

– Вовсе не странно, – возразил мистер Пинсент. – Мы с ним ведем деловые переговоры. Он пытается убедить меня поступить так, как в данный момент я поступать не собираюсь. Он думает, что я буду ему обязан, если он освободит меня от тебя, и в этом он совершенно прав.

– Дядя, – истово произнес Сэм, – я добьюсь успеха.

– Да уж, добейся, а не то… – сказал мистер Пинсент, не смягчившись. – Это твой последний шанс. Нет никаких причин, почему я должен содержать тебя до конца твоих дней, и я не намерен этого делать. Если и в издательстве Тилбери

ты будешь валять дурака, не думай, что сможешь кинуться назад ко мне. Упитанного тельца не будет. Запомни это.

– Запомню, дядя, но не беспокойтесь. Что-то говорит мне, что успеха я добьюсь. И в Англию я поеду с удовольствием.

– Рад слышать. Ну, теперь все. До свидания.

– Знаете, как-то странно, что вы меня туда отсылаете, – задумчиво произнес Сэм.

– Не нахожу ничего странного. Я рад, что мне подвернулась такая возможность.

– Да нет… я хочу сказать: вы верите в хиромантию?

– Нет. Всего хорошего.

– Потому что гадалка сказала мне…

– Эта дверь, – сказал мистер Пинсент, – открывается автоматически, если нажать на ручку.

Проверив это утверждение и убедившись в его верности, Сэм вернулся в собственную обитель, где узрел, что мистер Кларенс (Фарш) Тодхантер, популярный и энергичный шеф-повар грузового судна «Араминта», уже проснулся и закурил короткую трубку.

– Что это был за старикан? – осведомился мистер Тодхантер.

– Это был мой дядя, глава фирмы.

– Я что, заснул у него в кабинете?

– Вот именно.

– Ты уж извини, Сэм, – сказал Фарш с благородным сожалением. – Вчера ночью я припозднился.

Он объемисто зевнул. Фарш Тодхантер был тощим, жилистым человеком за тридцать, с высоким лбом и меланхоличными глазами. Раздосадованные товарищи по плаванью, поиграв с ним в покер, иногда уподобляли эти глаза очам скончавшейся рыбы; однако критики, которых не жгла мысль о недавних финансовых потерях, а потому свободные от предубеждения, скорее нашли бы в них сходство с глазами попугая, после того как тот обозрел жизнь и обнаружил, что она полна разочарований. Фарш обладал сильной склонностью к пессимизму и под влиянием винных паров имел обыкновение темно намекать, что получай каждый по своим правам, так он был бы прямым наследником графского титула. История была длинная, запутанная и бросала тень на всех, кто был к ней причастен. Но поскольку он каждый раз рассказывал ее по-новому, взыскательные обитатели кубрика относились к ней скептически. А в остальном он варил макароны по-флотски лучше всех в Западном океане, но ничуть этим не чванился.

– Фарш, – сказал Сэм. – Я уезжаю в Англию.

– И я. Отплываем в понедельник.

– Да неужели, черт возьми! – сказал Сэм и призадумался. – Я должен уплыть на «Мавритании» в субботу, но, пожалуй, я бы отправился с вами. Шесть дней тет-а-тет с лордом Тилбери меня что-то не прельщают.

– А кто он?

– Владелец издательства «Мамонт», где я буду работать.

– Так отсюда тебя поперли?

Сэма слегка задело, что этот малообразованный человек с такой легкостью докопался до истины. Да и в тактичности Тодхантеру приходилось отказать: он мог бы по меньшей мере сделать вид, будто отставка была добровольной.

– Ну пожалуй, можно сказать и так.

– Да не за то же, что я в его кресле сидел?

– Нет. Причин, видимо, накопилось много. Фарш, а вообще-то странно, что дядюшке пришло в голову сплавить меня в Англию. На днях гадалка сказала мне, что скоро меня ждет длинная поездка, а в ее конце я встречу белокурую девушку… Фарш!

– А?

– Я хочу показать тебе кое-что.

Сэм порылся в кармане и извлек на свет бумажник. Завершив эту операцию, он замер. Но затем, видимо, преодолев временные колебания, открыл бумажник и с благоговением индийского священнослужителя, прикасающегося к бесценной реликвии, достал из него сложенный бумажный лист.

Случайный наблюдатель, обманутый веселой беззаботностью его поведения, мог бы счесть Сэма Шоттера одним из тех молодых материалистов, в чьей броне любви трудно отыскать щелочку. И случайный наблюдатель ошибся бы. Пусть Сэм весил сто семьдесят фунтов (только кости и мышцы), а когда его что-нибудь смешило – случалось же это часто, – разражался хохотом, какому позавидовала бы и гиена

в своих родных джунглях, тем не менее ему были свойственны и нежные чувства. Иначе он не носил бы в бумажнике этот лист.

– Но прежде чем я покажу его тебе, – Сэм вперил глаза в Фарша, – ответь, видишь ли ты что-нибудь забавное, что-нибудь смешное в том, как человек отправляется поудить рыбу в Канаде и застревает в хижине среди первозданной глуши, где нечего читать и некого слушать, кроме дикого селезня, призывающего подругу, и глупостей франко-канадского проводника, не способного и двух слов связать по-английски…

– Нет, – сказал Фарш.

– Я еще не кончил! Видишь ли ты – я продолжаю – что-нибудь нелепое в том, что такой человек в таких обстоятельствах, найдя фотографию красивой девушки, прикнопленную к стене каким-то предыдущим обитателем хижины, и пять недель глядя на нее, так как смотреть больше не на что, влюбился в эту фотографию? Хорошенько подумай, прежде чем ответить.

– Нет, – сказал Фарш по зрелом размышлении. Он не принадлежал к тем, кто умеет находить смешную сторону в чем угодно и без труда.

– Отлично, – сказал Сэм. – И большое счастье для тебя. Хихикни ты – один-единственный разок, – и я бы обрушил могучий удар на твою сопатку. Ну, со мной как раз это и случилось.

– Что случилось?

– Я нашел вот эту фотографию, прикнопленную к стене, и влюбился в нее. Вот погляди!

Он благоговейно развернул лист, оказавшийся половиной страницы, вырванной из иллюстрированной газеты – одной из тех, что скрашивают для англичанина середину недели. Длительное пребывание на стене рыбачьей хижины на пользу ей не пошло. Она выцвела, пожелтела, один угол скрывало расползшееся темное пятно, намекая, что в тот или иной день какой-то обитатель хижины был неаккуратен с ножом. Тем не менее Сэм взирал на нее, будто юный рыцарь – на Чашу Святого Грааля.

– Ну?

Фарш внимательно изучил половину страницы.

– Баранья подливка, – сказал он, указывая на темное пятно и ставя молниеносный профессиональный диагноз. – Говяжья была бы посветлее.

Сэм устремил на своего друга взгляд, полный сконцентрированного омерзения, который, безусловно, смутил бы более чуткого человека.

– Я показываю тебе это обворожительное лицо, светящееся юностью и радостью жизни, – вскричал он, – а тебя интересует лишь то, что какой-то вандал, чью шею я с наслаждением свернул бы, обрызгал его своим гнусным обедом! Господи, смотри же на девушку! Ты когда-нибудь видел подобную красавицу?

– Да, она ничего.

– Ничего! Неужели ты не видишь, какая она изумительная?

Сказать правду, фотография в достаточной мере оправдывала энтузиазм Сэма. Она запечатлела девушку в охотничьем костюме, стоящую рядом со своей лошадью. Стройная, с мальчишеской фигурой девушка, лет восемнадцати, чуть выше среднего роста. С фотографии глядели ясные, умные, серьезные глаза. Уголок ее рта чуть задумчиво изогнулся. Рот был очаровательным, но Сэм, досконально изучивший фотографию и считавший себя ведущим мировым специалистом по ней, твердо придерживался мнения, что, улыбаясь, он станет еще очаровательнее.

Под фотографией жирным шрифтом было напечатано:

ПРЕКРАСНАЯ ДЩЕРЬ НИМВРОДА

Ниже столь поэтического заголовка предположительно помещались более конкретные сведения касательно личности прекрасной дщери, но грубая рука, вырвавшая страницу, к несчастью, оставила их под линией разрыва.

– Изумительная! – с чувством повторил Сэм. – Что там Теннисон накропал? Английский розовый бутон, она?

– Теннисон? Когда я плавал на «Морской птице» там был Пеннимен…

– Да заткнись ты! Ведь она чудо, Фарш! И более того, блондинка, верно?

Фарш поскреб подбородок. Он любил все хорошенько об-

думать.

– Или брюнетка, – изрек он.

– Дурак! Ты еще скажешь, что эти глаза не голубые!

– Может, и так, – с неохотой допустил Фарш.

– А волосы золотистые, ну разве что светло-каштановые.

– Почем я знаю!

– Фарш, – сказал Сэм, – как только я доберусь до Англии, так сразу начну ее разыскивать.

– Плевое дело. – Фарш ткнул мундштуком трубки в заголовок. – Дщерь Нимврода. Бери телефонную книгу да и ищи. Там и адрес дают.

– И как это ты все сообразил? – заметил Сэм с восхищением. – Одна беда: что, если старина Нимврод проживает за городом? Похоже, что он любитель охоты и лисьей травли.

– А! – сказал Фарш. – Может, и так.

– Нет, надежнее будет установить, из какой газеты выдрали эту страничку, а потом просмотреть подшивки.

– Валяй, – сказал Фарш, явно утратив всякий интерес к теме.

Сэм мечтательно созерцал фотографию.

– Видишь эту ямочку у подбородка, Фарш? Бог мой, я бы дорого заплатил, лишь бы увидеть, как эта девушка улыбается! – Он вернул вновь сложенную страницу в бумажник и вздохнул. – Любовь – замечательная штука, Фарш!

Объемистый рот мистера Тодхантера сардонически искривился.

– Вот когда попробуешь жизни с мое, – ответил он, – так узнаешь, что чашкой чая обойтись куда лучше.

2. Кей из Вэлли-Филдз

Безымянный индивид, вырвавший фотографию, столь восхитившую Сэма Шоттера, из ее законного окружения, проделал это, как уже упоминалось, очень неаккуратно. Прояви он хоть чуточку осмотрительности, и изнывающий влюбленный прочел бы под ней следующее: «Мисс Кей Деррик, дочь полковника Юстеса Деррика, Мидуэй-Холл, Уилтшир».

А окажись Сэм на Пиккадилли-серкус как-то днем, недели через три после своей задушевной беседы с Фаршем Тодхантером, то он мог бы узреть мисс Деррик во плоти. Ибо она стояла там на остановке и ждала автобус номер три.

Узри он ее там, так тут же заключил бы, что фотография, какой бы чарующей она ни была, далеко уступала оригиналу. С момента, когда фотограф запечатлел ее, миновали четыре года, а в возрасте между восемнадцатью и двадцатью двумя годами многие девушки заметно расцветают. К ним принадлежала и Кей Деррик. И еще он убедился бы, что очень точно определил, как она выглядит в красках. Глаза у нее, как он и предсказывал, были голубые, а точнее – синие, будто небо в летний вечер, и с той же мягкой бархатистостью. Ее волосы, те, что выглядывали из-под очень ей шедшей шляпки, казались темно-золотыми с каштановым отливом. А в-третьих, он заметил бы, что выглядит она усталой. Потому что очень

устала. Ежедневно она приезжала в дом некой миссис Уиннингтон-Бейтс на Тэрлоу-сквер в Южном Кенсингтоне, чтобы читать этой даме вслух и вести ее обширную корреспонденцию. И никто из тех, кто знал миссис Уиннингтон-Бейтс сколько-нибудь близко, не стал бы отрицать, что после дня подобных занятий любая девушка имела полное право выглядеть настолько усталой, насколько ей заблагорассудится.

Подошел автобус, и Кей поднялась на крышу. Перед ней предстал кондуктор с компостером в руке.

– Д' куда?

– Вэлли-Филдз, – ответила Кей.

– Хн, – сказал кондуктор.

И вручил ей билет без малейшего волнения, без следа сочувственной тревоги, которую испытывали те, кто видел юношу, несшего знамя с надписью «Эксцельсиор», ибо давно миновали дни, когда поездка в Вэлли-Филдз приравнивалась к опасному приключению. Двести лет тому назад, когда рыцари большой дороги рыскали по Западному Кенсингтону, а на Риджент-стрит стреляли бекасов, этот приятный пригород (почтовый индекс: Ю.-В. 21) был дикой глушью, куда пресыщенные светские щеголи и дуэлянты удалялись верхом, если их тянуло побыть наедине с Природой. Но необъятное озеро кирпича и асфальта, именуемое Лондоном, успело с тех пор выйти из берегов и затопить Вэлли-Филдз, превратив пустынную долину в обширное скопление домов, куда можно, кроме автобуса, доехать на поезде

и даже на трамвае.

Пригород этот стал для Кей таким знакомым, что порой ей чудилось, будто она прожила в нем всю жизнь, хотя миновало лишь несколько месяцев с того дня, как ее выбросило на сей брег, точно обломок погибшего корабля. Или, если изложить факты не столь красочно, – с того дня, как мистер Ренн из «Сан-Рафаэля» на Берберри-роуд явился к ней после кончины ее родителей и пригласил ее поселиться там. Этот мистер Ренн был нехорошим дядей Мэтью, который в темном прошлом, в году эдак 1905-м, гнусно запятнал герб Дерриков, бежав с Энид, приходившейся Кей тетушкой.

Кей тогда было два годика, и историю эту она узнала лишь в восемь лет от юного Уиллоуби Брэддока, толстого мальчика, который через посредство опекуна владел великолепным домом и землями, граничившими с землями Мидуэйза. История была весьма романтичной. Молодой человек приехал в Мидуэйз собирать материал для «Исторических поместьев Англии» – серии, печатавшейся в тогда только-только учрежденном «Домашнем спутнике» Пайка. В процессе собирания материала он познакомился с сестрой владельца и через каких-то несколько недель понудил ее бежать с ним и выйти за него замуж, чем – с точки зрения ее родных – погубил все ее надежды в этом мире, а также упования в мире загробном.

Двадцать лет Мэтью Ренн пребывал семейным парией, и вот время отомстило в лучшем своем стиле. Кончина полковника Деррика, последовавшая через несколько месяцев

после кончины его супруги, обнаружила, что вдобавок к голубой нормандской крови он обладал и той безыскусной верой, которую поэт поставил гораздо выше. А безыскусно он веровал в прельстительные рекламные проспекты, неспособные обмануть и ребенка, и, пытаясь восполнить потери от уменьшения доходов с земли, пустился в спекуляции, причем каждая оказывалась еще более разорительным мыльным пузырем, чем предыдущая. Капитал его рассеялся по ветру, Мидуэйз достался кредиторам, Кей обо всем этом сочувственно поведал семейный нотариус, и она приняла приглашение мистера Мэтью Ренна, который, начав свою карьеру простым сотрудником, уже много лет был главным редактором «Домашнего спутника» Пайка.

Автобус остановился на углу Берберри-роуд, Кей сошла и направилась к «Сан-Рафаэлю». Берберри-роуд не принадлежит к наиболее фешенебельным и богатым кварталам Вэлли-Филдз, и состоит в основном из полуособнячков, каковым был и «Сан-Рафаэль», подобно сиамскому близнецу составляя неотделимую половину дома, вторая половина которого в подтверждение своей независимости носила название «Мон-Репо». От фасада песчаная дорожка вела мимо двух виноватого вида цветочных клумб с лаврами к ограде с калиткой в стиле деревенских ворот из пяти жердей, выходившей на Берберри-роуд.

Из этой калитки навстречу Кей вышел пожилой джентльмен, высокий, седовласый, отмеченный сутулостью от ум-

ственных занятий.

– Добрый вечер, милый, – сказала Кей. – Куда это ты собрался?

Она нежно поцеловала дядю, потому что за месяцы их общения успела горячо к нему привязаться.

– Забегу поболтать с Корнелиусом, – ответил мистер Ренн. – И может, сыграем партию-другую в шахматы.

В реальном летосчислении Мэтью Ренн еще не достиг пятидесятилетнего рубежа, но, как это водится за главными редакторами газет типа «Домашнего спутника» Пайка, он выглядел старше своего возраста. Внешность его дышала кротостью и рассеянной мечтательностью, а потому Кей, не в силах вообразить его в роли пылкого рыцаря, пришла к выводу, что необходимые огонь и энергию в знаменитое бегство внесла исключительно ее тетушка Энид.

– Ну, не опаздывай к обеду, – сказала она. – А Уиллоуби здесь?

– Я оставил его в саду. – Мистер Ренн замялся. – Такой странный молодой человек, Кей!

– Конечно, свинство, что его тебе навязали, милый, – сказала Кей. – Но ты знаешь, экономка вышвырнула его из дома. Решила провести генеральную уборку. А он ненавидит останавливаться в отелях или клубах, ну и попросил меня – я ведь знакома с ним с рождения, – не сможем ли мы его приютить, так что – вот так. Но подбодрись, это ведь на один вечер.

– Моя дорогая, ты знаешь, я очень рад любому твоему другу. Но он такой своеобразный молодой человек. Я целый час пытался завязать с ним разговор, а он только глядел на меня, как золотая рыбка.

– Как золотая рыбка?

– Ну да. Глаза выпучены, губы шевелятся, и ни звука не слышно.

Кей засмеялась:

– Все его речь! Забыла тебя предупредить. Бедняжке предстоит сегодня произнести речь на ежегодном банкете в честь встречи старых школьных друзей. А он никогда еще речей не произносил и жутко угнетен.

Мистер Ренн повеселел.

– Я не знал. Честно говоря, моя дорогая, я подумал, что он умственно отсталый. – Он поглядел на свои часы. – Ну, если ты думаешь, что сумеешь его занять, я, пожалуй, пойду.

И мистер Ренн пошел своим путем, а Кей, войдя в калитку из пяти жердей, свернула на песчаную дорожку, огибавшую дом и кончавшуюся в саду.

Как и все сады в округе, сад этот делал честь своему владельцу – скорее маленький, чем большой, но полный зелени, ухоженный, уютный. Хотя Вэлли-Филдз и подвергся бурной застройке, он не вполне утратил былой сельский вид – исключительно благодаря энтузиазму и усердию своих любителей-садоводов. Ни в каком другом пригороде на Суррейском берегу Темзы не продается столько семян весной, не

стрекочет столько газонокосилок, не берется взаймы столько садовых катков, не уничтожается столько слизней, и тли не обрызгиваются таким количеством патентованных снадобий, как в Вэлли-Филдз. Пусть в Бринстоне есть его Бон-Марше, а в Сайденхеме его Хрустальный дворец, но когда дело доходит до анютиных глазок, роз, тюльпанов, штокроз и настурций, Вэлли-Филдз даст им сто очков вперед.

Вдобавок к остальным своим прелестям сад «Сан-Рафаэля» в данный момент содержал розоватого, полноватого, насупленного молодого человека в коричневом костюме, который расхаживал взад-вперед по лужайке, глядя перед собой остекленевшими глазами.

– Привет, Уиллоуби, – сказала Кей. Молодой человек в мучительной судороге очнулся от транса.

– А, Кей, привет!

Он последовал за ней через лужайку к чайному столику под сенью прекрасного древа. Ведь в этом благословенном местечке имелись не только цветы, но и деревья.

– Чаю, Уиллоуби? – спросила Кей, блаженно опускаясь в шезлонг. – Или ты уже пил?

– Да, пил… кажется. – Мистер Брэддок погрузился в размышления. – Да… Да, чай я пил.

Кей налила себе чашку и начала с наслаждением прихлебывать.

– Как же я устала! – сказала она.

– Выдался плохой день?

– Примерно такой же, как всегда.

– Миссис Б. сердечности не излучала?

– Без особого избытка. Но к несчастью, сын и наследник был сама сердечность.

Мистер Брэддок кивнул:

– Этот типус немножко множко.

– Да, слегка.

– Напрашивается на хороший пинок.

– И очень.

Кей брезгливо повела плечами. Формально ее обязанности на Тэрлоу-сквер исчерпывались чтением и писанием писем миссис Уиннингтон-Бейтс; однако, казалось ей иногда, наняли ее главным образом в качестве духовной боксерской груши для упражнений вышеуказанной дамы. И в этот день ее патронесса была особенно нестерпимой. А вот ее сын, недавно вернувшийся под родительский кров после безуспешной попытки заняться куроводством в Сассексе и болтающийся под означенным кровом без всякого дела, в немногие выпадавшие ему удобные минуты вел себя галантнее обычного. Кей чувствовала, что жизнь стала бы немножко легче, если бы миссис Бейтс восхищалась ею чуть побольше, а Клод Бейтс – чуть поменьше.

– Помню его со школы, – сказал мистер Брэддок. – Червяк!

– Он учился с тобой в школе?

– Да. Помладше меня. Гнусный шпингалет, который об-

жирался, терся у каминов и увиливал от игр. Помню, как Сэм Шоттер задал ему трепку, когда он слямзил хлеб с джемом из школьной лавочки. Да, кстати, Сэм скоро приедет. Я получил от него письмо.

– Да? А кто он такой? Ты раньше о нем не упоминал.

– Неужели я тебе не рассказывал про старика Сэма Шоттера? – с удивлением спросил мистер Брэддок.

– Никогда. Но он кажется на редкость привлекательным. Всякий, кто задал трепку Клоду Бейтсу, должен обладать множеством хороших качеств.

– Он учился со мной в школе.

– Какое множество людей училось с тобой в школе!

– Ну, в Райкине, знаешь ли, было шестьсот ребят, не меньше. А у нас с Сэмом был общий кабинет для занятий. Вот кому я завидую! Он помотался по всему свету, развлекался во всю мочь. Нынче в Америке, завтра в Австралии, а послезавтра в Африке.

– Непоседливый субъект, – заметила Кей.

– Последнее время он вроде бы работал в конторе своего дяди в Нью-Йорке, но в этом письме он пишет, что едет сюда работать в Тилбери-Хаусе.

– В Тилбери-Хаусе? Неужели? Вероятно, дядя с ним познакомится.

– Как по-твоему, стоит устроить для него, скажем, обед, чтобы познакомить его кое с кем? Ну конечно, ты и твой дядя, и, может быть, мне удастся заполучить старика Тилбери.

– Ты знаком с лордом Тилбери?

– Еще как! Иногда играю с ним в бридж в клубе. А в прошлом году он пригласил меня пострелять фазанов.

– А когда приезжает мистер Шоттер?

– Не знаю. Он пишет, что точно сказать не может. Видишь ли, он плывет на грузовом судне.

– На грузовом судне? Но почему?

– Ну, это то, что он делает. И что мне бы хотелось делать.

– Тебе? – изумилась Кей. Уиллоуби Брэддок всегда казался ей человеком, которому, чтобы чувствовать себя хорошо, обязательно требовались блага – и даже изнеживающая роскошь – цивилизации. Одним из самых ранних ее воспоминаний было следующее: она сидит на дереве и осыпает его детскими насмешками, ибо до ее ушей из надежных источников дошло: он ложится спать в теплых носочках! – Какая ерунда, Уиллоуби. Ты же сразу взвыл бы от неудобств!

– Не взвыл бы, – упрямо возразил мистер Уиллоуби. – Малая толика приключений пришлась бы мне в самый раз.

– Так что тебе мешает? Денег у тебя хоть отбавляй. Если бы ты захотел, то мог бы стать пиратом и перехватывать в Карибском море испанские галеоны с золотом.

Мистер Брэддок скорбно покачал головой:

– От миссис Липпет мне не вырваться.

Уиллоуби Брэддок принадлежал к тем злополучным холостякам, которые обречены влачить жалкое существование под ярмом либо экономки, либо камердинера. Его личным

крестом была экономка, и порабощен он был тем полнее, что в дни нежного детства миссис Липпет пестовала его в качестве нянюшки. Есть мужчины, способные противостоять женщине. Есть мужчины, способные совладать с верным старым служителем. Но если есть мужчины, способные сладить с верной старой служительницей, частенько шлепавшей их тыльной стороной щетки для волос, Уиллоуби Брэддок к ним не принадлежал.

– У нее начнется приступ того или этого, либо она примется чахнуть, стоит мне попробовать вырваться на свободу.

– Бедненький старина Уиллоуби! Жизнь бывает очень жестокой, верно? Кстати, у калитки я встретила дядю. Он пожаловался, что ты был с ним не слишком дружелюбен.

– Неужели?

– Он упомянул, что ты только пялился на него, как золотая рыбка.

– Ну вот! – с раскаянием сказал мистер Брэддок. – Мне страшно жаль. То есть он так гостеприимно обошелся со мной, и все прочее. Ну, ты объяснила ему, что я жутко волнуюсь из-за этой речи?

– Угу. Только не вижу причин волноваться. Произнести речь – это же так просто, а уж на банкете школьных товарищей и того проще: никто же ничего особенного и не ждет. На твоем месте я просто встала бы, рассказала парочку анекдотов и снова села.

– Один анекдот я приготовил, – сообщил мистер Брэддок,

чуть ободрившись. – Про ирландца.

– Пата или Майка.

– Я подумал назвать его Патом. Ну, он в Нью-Йорке, и заходит в доки, и видит, как из воды выходит водолаз, ну, в водолазном костюме, понимаешь? И он думает, что этот тип – ну водолаз, понимаешь? – пересек Атлантический океан, и жалеет, что сам до этого не додумался, ну, чтобы сэкономить на билете, понимаешь?

– Угу. Один из этих слабоумных ирландцев.

– По-твоему, они улыбнутся? – обеспокоенно спросил мистер Брэддок.

– Попадают со стульев от хохота.

– Нет, правда? – Он умолк и с ужасом протянул руку. – Послушай, ты нацелилась на коржик?

– Да. Но воздержусь, если ты против. Они недостаточно хороши?

– Хороши? Деточка моя, – заявил мистер Брэддок категорично, – это самое скверное, чего удалось достичь Кларе. Просто предел. Мне пришлось сжевать один, потому что она явилась и стояла у меня над душой – следила, пока я ел. Не могу понять, почему ты не уволишь ее. Кухарка она никудышняя.

– Уволить Клэр? – Кей засмеялась. – А почему ты не уволишь ее матушку?

– Пожалуй, ты права.

– Члены семейства Липпет неувольняемы.

– Да, я тебя понимаю. Но все-таки я бы предпочел, чтобы она так не фамильярничала.

– Но она же знакома с тобой почти столько же лет, сколько я. Миссис Липпет всегда была тебе как бы матерью, ну и Клэр, полагаю, считает себя как бы твоей сестрой.

– Да, пожалуй, тут ничего не поделаешь, – мужественно объявил мистер Брэддок и посмотрел на часы. – Пора пойти переодеться. Я еще застану тебя здесь?

– Угу.

– Ну я пошел. Послушай, а этот анекдот про ирландца правда ничего?

– Ничего смешнее я в жизни не слышала, – ответила Кей, кривя душой во имя дружбы.

Он ушел, и она откинулась в кресле, закрыв глаза и наслаждаясь вечерней тишиной в этом приятном саду.

– Чай пить кончили, мисс Кей?

Кей открыла глаза и увидела перед собой плотненькую фигурку в ситцевом платье. Белобрысые волосы маленькой особы кокетливо увенчивал чепчик горничной. Нос у нее был задорно вздернут, широкий дружелюбный рот одарял Кей преданнейшей улыбкой.

– Я вот вам чего принесла, – сказала она, роняя на землю плед, две подушки и скамеечку для ног, под тяжестью которых она, пошатываясь, прошла через лужайку, как миниатюрный обозный мул. – Устройтесь-ка поудобнее да и вздремните. Вы ж с ног от усталости валитесь, сразу видно.

– Ты очень добра, Клэр, но не стоило так затрудняться.

Клэр Липпет, дочка деспотичной экономки Уиллоуби Брэддока, кухарка и прислуга за все в «Сан-Рафаэле», была наследием эпохи Мидуэйза. К Дерикам она поступила в двенадцать лет, и ее обязанности тогда были настолько неопределенными, что у нее оставалось достаточно досуга, чтобы похищать яйца из птичьих гнезд под руководством Кей, которой исполнилось четырнадцать. Когда Клэр стукнуло восемнадцать, ее повысили в собственные горничные Кей, и с этого момента она, так сказать, официально взяла власть в свои руки. Девизом Липпетов была Преданность, и даже пресловутый финансовый крах не выбил из седла эту достойную дочь клана. Решительно последовав за Кей в изгнание, она, как уже упоминалось, стала кухаркой мистера Ренна. И, как совершенно справедливо указал мистер Брэддок, кухаркой на редкость скверной.

– Не следует вам так переутомляться, мисс Кей. Отдыхать вам нужно.

– Так я же и отдыхаю, – сказала Кей.

Бывали моменты, когда – подобно мистеру Брэддоку – она находила липпетскую заботливость несколько чрезмерной, если не сказать назойливой. Кей была энергичной, волевой девушкой и хотела бы противостоять миру с вызывающим «подумаешь!» на устах. Но это оказывалось непросто, пока Клэр опекала ее и лелеяла, будто хрупкое чахнущее растеньице. Однако сопротивляться было бесполезно. Никому

еще не удавалось укротить материнский липпетский дух, и, вероятно, это никому никогда не удастся.

– Я вот о чем, – объяснила Клэр, подставляя скамеечку ей под ноги. – Не к чему бы вам пачкать ручки работой, я вот о чем. Никуда не годится, что вам приходится…

Она осеклась. Взяв в руки чайный поднос, она сделала язвящее открытие.

– Вы к моим коржикам и не притронулись! – воскликнула Клэр голосом, в котором упрек и разочарование смешались в надлежащей пропорции. – А я-то испекла их специально для вас!

– Не хотелось наедаться перед обедом, – поспешно объяснила Кей. Темперамент у Клэр был бурный, и она не терпела обидных намеков на творения своих рук. – Ты же, конечно, приготовила что-нибудь вкусненькое.

Клэр взвесила этот аргумент.

– Ну-у… и да и нет. Если вы про пудинг, так он того. Кисочка свалилась в заварной крем.

– Не может быть!

– Она ж еще котенок. А когда я ее выудила, в миске почти ничего не осталось. Впиталось в нее, точно в губку. Ну да вам хватит, если мистер Ренн откажется.

– Не важно. Все равно спасибо, – сказала Кей с глубокой искренностью.

– Ну да я готовлю новый суп, так что поесть вам будет что. Я его из книги вычитала. Называется «потаж а ля принсесс».

А может, все-таки скушаете коржик, мисс Кей? Он вас подкрепит.

– Нет, спасибо. Правда, не стоит.

– Ладно. Как хотите.

Мисс Липпет пересекла лужайку, скрылась в доме, и вновь в саду воцарилась благостная тишина. Но несколько минут спустя, когда голова Кей уже склонялась на плечо, внезапно из окна второго этажа, оглашая окрестности, вырвался громкий и пронзительный голос, приводя на ум зеленщиков, восхваляющих свою брюссельскую капусту, или тех, кто сзывал коров над песками Ди.

– Слова нашего достойного председателя, – ревел голос, – напомнили мне историйку, возможно, еще неизвестную некоторым из присутствующих здесь сегодня. О том, как некий ирландец отправился в Нью-Йорк, то есть в Нью-Йорке он уже был, а направился в доки, и пока там… пока там…

Голос замер. Легкие, видимо, были готовы служить, но память подкачала. Однако он вскоре вновь загремел, хотя с иного места.

– Ведь школа, господа, наша милая старая школа, занимает место в наших сердцах… место в наших сердцах… в сердцах нас всех… во всех наших сердцах… в наших сердцах, господа… которое ничто другое заполнить не может. Она формирует, если мне дозволено выразиться так, господин председатель и господа… образует… образует… обра-

зует связь, связывающую поколения. Пятьдесят ли нам лет, сорок ли, тридцать или двадцать, мы все тем не менее сверстники. А почему? А потому, господа, мы все… э… связаны этой связью.

– Отлично! – уважительно прошептала Кей.

– Вот почему, господин председатель и господа, хотя я обрадован, восхищен, доволен, счастлив и… э… в полном восторге, видя, как много вас откликнулось на ежегодный призыв нашей милой старой школы, я нисколько не удивлен.

Из кухонной двери с ножичком в одной руке и полуочищенной луковицей в другой появилась плотненькая фигурка Клэр Липпет и устремила на окно гневный взгляд.

– Эй!

– Нет, не удивлен.

– Эй!

– И кстати об удивлении. Я вспомнил историйку, возможно, еще неизвестную некоторым из присутствующих здесь сегодня. О том, как некий ирландец…

С тех дней, когда их праматери помогали мужчинам племени заставить датских пиратов горько пожалеть, что они не остались у себя в Дании, женщины семьи Клэр Липпет всегда предпочитали дела словам. Дважды сказав «эй!», их потомица двадцатого века, видимо, сочла, что исчерпала все возможности слов, и, изящно взмахнув рукой, она швырнула луковицу вверх. И столь всесторонней была компетентность этой энергичной девицы, что луковица пулей влетела

в открытое окно, откуда мгновение спустя высунулась облаченная в накрахмаленную рубашку и белый галстук-бабочку верхняя половина мистера Уиллоуби Брэддока. Он потирал ухо.

– Помолчите, а? – сказала мисс Липпет.

Мистер Брэддок сурово взглянул в разверзавшуюся под окном бездну. Если не считать, что положение участников в пространстве было прямо обратным и тон диалога несколько иным, можно было бы вполне подумать, что тут разыгрывается знаменитая сцена из «Ромео и Джульетты».

– Что ты сказала?

– Я сказала, помолчите. Мисс Кей надо поспать. А как она может поспать под такой ор?

– Клара! – грозно начал мистер Брэддок.

– Клэр! – холодно поправила девица, не отступая от принципа, который ей приходилось отстаивать всю ее жизнь.

Мистер Брэддок сглотнул.

– Я… э… я поговорю с твоей матерью.

Тщетная угроза, как не замедлила показать Клэр, дернув плечом в презрительно-пренебрежительной манере, и полной победительницей с триумфом возвратилась в кухню. Она знала – и мистер Брэддок знал, что она знает, – что миссис Липпет весьма холодно отнесется к жалобам на свою любимую дочку.

Мистер Брэддок удалился в глубь комнаты и вскоре вышел в сад воплощением элегантности.

– Ты просто чудесно выглядишь, Уиллоуби, – сказала Кей с восхищением.

Этот дружеский комплимент заметно исцелил уязвленные чувства мистера Брэддока.

– Нет, правда? – сказал он и в который раз почувствовал, что Кей – девушка одна на миллион, и если бы самая мысль о браке не наводила на него такого черного ужаса, так стоило бы рискнуть и посмотреть, какой будет результат, если он попросит ее выйти за него замуж.

– И речь звучала прекрасно.

– Правда? Знаешь, я вдруг испугался, что у меня не хватит голоса.

– Его вполне хватает, – убедительно ответила Кей.

Тучи, было согнанные ее комплиментами с чела мистера Брэддока, вновь там сгустились.

– Знаешь, Кей, честное слово, тебе надо как-то обуздать эту… ну… Клару. Она невозможна, то есть швырять в человека луковицами…

– Не обращай внимания. Выкинь ее из головы, а то позабудешь свою речь. А сколько минут ты должен говорить?

– Думаю, десять. Ты знаешь, это меня убьет.

– А ты выпей шампанского. И побольше.

– Я от него делаюсь пятнистым.

– Так будь пятнистым. Я ничего против не имею.

Мистер Брэддок задумался.

– Так и сделаю, – сказал он. – Отличная мысль. Ну, мне,

пожалуй, пора.

– Ключ не забыл? Вернешься ты, конечно, очень поздно. Я пойду предупрежу Клэр, чтобы она не запирала дверь на засов.

Войдя в кухню, Кей увидела, что ее преданная служительница перешла со страниц «Ромео и Джульетты» на страницы «Макбета». Она нагибалась над котлом и бросала в него всякую всячину. Юная кошечка, теперь относительно сухая и обескремленная, с живейшим интересом наблюдала за ней с полки буфета.

– Это новый суп, мисс Кей, – объявила Клэр со скромной гордостью.

– Пахнет чудесно, – сказала Кей, слегка поморщившись, когда ей в ноздри ударил смрадный аромат горелого. – Послушай, Клэр, не надо все-таки бросаться луковицами в мистера Брэддока.

– Так я сходила наверх и подобрала ее, – утешила Клэр свою хозяйку. – Она уже в супе.

– Все равно не надо. Что скажут соседи? – осведомилась Кей добродетельно.

– Так соседей же никаких нет, – логично указала Клэр, и ее задорное лицо погрустнело. – Хоть бы кто-нибудь въехал в «Мон-Репой», – добавила она. – Не нравится мне без соседей. Весь день одна, и поговорить не с кем.

– Ну, когда ты разговариваешь с мистером Брэддоком, не кричи, сделай милость. Пойми, пожалуйста, мне это не нра-

вится.

– Ну вот, – сказала Клэр просто, – вы на меня сердитесь.

И без дальнейших прелиминариев она разразилась бурными слезами.

Именно эта ее чувствительность и представляла главный камень преткновения для госпожи «Сан-Рафаэля» в управлении штатом своей прислуги. Кей была добросердечной девушкой, а добросердечные девушки не способны чувствовать себя беззаботно, когда кухарки рыдают из-за них. Потребовалось десять минут, чтобы вкрадчивыми уговорами вернуть эмоциональной мисс Липпет ее обычную бодрость духа.

– Я теперь с ним громче шепота разговаривать не буду, – сказала она виновато к завершению этого срока. – Ну а все-таки…

У Кей не было ни малейшего желания возобновлять спор о Брэддоке.

– Хорошо, хорошо, Клэр. Собственно, я пришла сказать, чтобы ты на ночь не запирала входную дверь на цепочку, потому что мистер Брэддок вернется очень поздно. Он войдет тихонько и не потревожит тебя…

– Ему же лучше, – мрачно заявила мисс Липпет. – А то у меня есть револьвер.

– Револьвер!

– А! – Клэр таинственно наклонилась над своим котлом. – В такой глуши только и жди грабителей. Девушка в

«Понтресине», дальше по дороге, рассказывала, что у них с крыльца унесли пару молочных бидонов только вчера. И вот что я вам еще скажу, мисс Кей. По-моему, кто-то вламывался в «Мон-Репой».

– Зачем бы это им понадобилось? Он же стоит пустой.

– А вчера ночью там пусто не было. Я в окошко смотрела, у меня опять моя невральгючая головная боль разыгралась, где-то между двумя и тремя ночи, так там по лестнице вверх-вниз шастали таинственные огни.

– Тебе померещилось.

– Прошу прощения, мисс Кей, ничего мне не мерещилось. Так и мелькали, яснее ясного. Может, это были электрические фонарики, какими пользуются преступные классы. Если хотите знать, мисс Кей, так «Мон-Репой», по-моему, это, как говорится, таинственный дом, и я не пожалею, когда в нем поселятся порядочные люди. А так в одно прекрасное утро мы проснемся в собственных постелях с перерезанными горлами.

– Не нервничай так.

– Нервничать? – негодующе возразила Клэр. – Чтобы я занервничала, грабителя будет маловато. Я ж сказала только, что приготовилась.

– Ну так не застрели мистера Брэддока.

– А это уж, – заявила мисс Липпет, не желая связывать себя никакими обязательствами, – а это уж как выйдет.

3. Морякам все равно

Примерно через пять часов после того, как Уиллоуби Брэддок вышел из калитки «Сан-Рафаэля», по Вильерс-стрит прошагал молодой человек, свернул на Стрэнд и медленно направил свои стопы в восточном направлении. Стрэнд, поскольку наступил час опорожнения театров, представлял собой ревущий поток из людей и транспортных средств. Молодой человек созерцал эту бурлящую жизнью сцену одобрительным взглядом зрителя, который находит лондонскую суматоху привлекательной новинкой. Он был молодым человеком приятной наружности, но больше всего в нем поражала убогость его одежды. Оба его башмака просили каши, руки были засунуты в карманы грязных, видавших виды синих брюк, а по сторонам он поглядывал из-под полей фетровой шляпы, какую могло бы носить любое пугало, не вызвав ничьего осуждения.

Такой поразительной была его внешность, что два щеголя, покинувшие отель «Савой» и остановившиеся на тротуаре в ожидании такси, поглядели на него с болезненным неодобрением, а когда он приблизился, уставились на него в полнейшем изумлении.

– Боже мой! – сказал первый щеголь.

– Боже великий! – сказал второй.

– Ты видел, кто это?

– С. П. Шоттер! Делил кабинет с У. Брэддоком.

– Капитан футбольной команды, когда я был в выпускном классе.

– Но послушай, этого же не может быть! Так одеваться, хочу я сказать.

– Однако он одет так!

– Боже великий!

– Боже мой!

Эти двое в вопросах одежды придерживались самых суровых принципов. Сами одевавшиеся с живейшей и добросовестнейшей оглядкой на моду, они строго судили своих ближних. Впрочем, даже самый снисходительный критик не удержался бы и скорбно покачал головой, обозрев Сэма Шоттера, когда он в этот вечер шагал по Стрэнду.

Дело в том, что молодому человеку, любознательному любителю приключений, трудно сохранять элегантность, путешествуя на грузовом судне. «Араминте», которая встала у Миллуолского причала в этот день, понадобилось четырнадцать суток, чтобы пересечь Атлантический океан. Сэм рьяно вошел в многостороннюю жизнь судна в течение этого срока. Много времени он проводил в замасленном машинном отделении; помогал боцману с необходимой покраской; сопровождал старшего механика в его инспекции угольных ям; и неоднократно завоевывал симпатии утомленных кочегаров, забирая лопату и шуруя в топке. Невозможно проделывать все это и оставаться зерцалом моды.

Тем не менее он весьма удивился бы, узнав, что его наружность подверглась разносной критике, ибо он пребывал в том счастливом расположении духа, когда мужчины забывают, что у них есть наружность. Он отлично пообедал, угощая своего старинного друга Фарша Тодхантера. Он посмотрел фильму рассиропленно сексапильную. А теперь, посадив Фарша в трамвай, движущийся в восточном направлении, он преисполнился той блаженной радости бытия, которая нисходит на человека, когда в мире все в самый раз. И потому, нисколько не стесняясь убогости своего экстерьера, Сэм прогуливался по Стрэнду во власти приятной иллюзии, будто купил его. Он чувствовал себя молодым помещиком, вернувшимся из дальних странствий и обозревающим фамильные владения.

И хотя по натуре он был общительным молодым человеком и любил общество себе подобных, то обстоятельство, что сейчас он был один, его не угнетало. Как ни нравился ему Фарш Тодхантер, он не грустил, что расстался с ним. Обычно увлекательнейший собеседник, в этот вечер Фарш был несколько зануден, так как все время сводил разговор на собаку своего друга, владельца пивного заведения, каковая на следующее утро должна была принять участие в собачьих бегах в Хэкни-Маршиз. Фарш, видимо, поставил на это животное все свои сбережения и, не удовольствовавшись этим, горячо уговаривал Сэма одолжить ему всю оставшуюся у него наличность, чтобы увеличить вложенный в пса

капитал. И хотя Сэм без труда сохранил твердость, всегда неприятно повторять «нет, нет, нет». Два щеголя тревожно переглянулись.

– Полный вперед, пока он нас не подоил? – сказал первый.

– Вперед абсолютно полный, – согласился второй.

Но они опоздали. Товарищ их школьных лет поравнялся с ними, чуть было не прошел мимо, но остановился, щурясь на них из-под полей этой жуткой шляпы взглядом, пронзавшим их словно кинжал, на манер человека, пытающегося определить, где он видел эти лица.

– Бейтс и Тресиддер! – наконец воскликнул Сэм. – Ах, черт!

– Привет, – сказал первый щеголь.

– Привет, – сказал второй.

– Ну-ну! – сказал Сэм.

И наступило одно из тех неловких молчаний, какие так часто сопровождают такие встречи старых школьных товарищей. Оба щеголя, тоскуя, ждали, когда наступит неизбежный миг доения, а Сэм только сейчас вспомнил, что это те два поганца, которых он in statu pupillari[1] терпеть не мог. Тем не менее этикет требовал хотя бы малой толики беседы.

– Чем это вы занимались? – спросил Сэм. – Вид у вас праздничный.

– Обедали, – сказал первый щеголь.

– Банкет райкинских выпускников, – сказал второй.

---

[1] В положении несовершеннолетнего *(лат.)*.

– Ах да, конечно! Его же всегда устраивают в это время года, верно? И наверное, много ребят собралось?

– О да.

– И хороший обед?

– Недурной, – сказал первый щеголь.

– Неплохой, – сказал второй.

– Но речи были жуткие.

– Ужасные!

– Не понимаю, откуда они выкапывают таких субъектов!

– Да.

– Этот Брэддок!

– Ужасно.

– Да неужели старик Брэддок произнес речь? – радостно сказал Сэм. – И скверно?

– Хуже всех.

– Абсолютно.

– Этот анекдот про ирландца.

– Гнусь!

– И вся эта чушь про милую старую школу.

– Ужас!

– Если хотите знать мое мнение, – сокрушительно сказал первый щеголь, – так я считаю, он допился до белых слонов.

– Под завязку, – сказал второй.

– Я следил за ним во время банкета, так он всасывал шампанское, как пылесос.

Наступило молчание.

– Ну, – сказал первый щеголь неловко, – нам пора.

– Торопимся, – сказал второй щеголь.

– У нас ужин в «Гневном сыре».

– Где-где? – спросил Сэм.

– В «Гневном сыре». Новый ночной клуб на Пэнтон-стрит. Ну, увидимся, э?

– Непременно, – сказал Сэм.

Новое молчание уже сгущалось в желе, когда подползло такси и оба щеголя с энтузиазмом прыгнули в него.

– Страшно, как человек способен опуститься, – сказал первый.

– Ужас! – сказал второй.

– Хорошо, что мы вовремя убрались.

– Да.

– Он уже созрел для дойки, – сказал первый щеголь.

– Уже рот раскрыл, – сказал второй.

Сэм зашагал дальше. Хотя господа Бейтс и Тресиддер никогда не пользовались его расположением, они принадлежали к тому, что мистер Брэддок назвал бы (да и назвал не менее одиннадцати раз в своей застольной речи в этот вечер) милой старой школой, и встреча с ними приятно его взбодрила. И пока он лавировал в толпе, ощущение, что он – вельможа, посетивший свое имение после долгого отсутствия, возросло еще больше. Он озирал прохожих с веселым дружелюбием и жалел только, что недостаточно знаком с ними и не может похлопать их по спине. А когда на углу

Веллингтон-стрит он наткнулся на обтрепанного вокалиста, выводившего скорбные рулады на сточной решетке, он счел личным афронтом, что подобное может происходить в его владениях. Он почувствовал, что лично ответствен за тяжкое положение этого бедняги, и пришел к выводу, что ситуация требует вельможной щедрости.

Отправляясь на вечернюю прогулку, Сэм разделил свои деньги на две части. Его багаж вместе с аккредитивом прежде него пересек океан на «Мавритании», а поскольку могли пройти сутки-другие, прежде чем он восстановил бы связь с ними, то предусмотрительно поместил принципиально большую часть в бумажник, наметив приобрести на нее новый костюм и прочие необходимые вещи прямо с утра, чтобы нанести свой первый визит в Тилбери-Хаус в пристойном виде. Остаток, достаточный для вечерних развлечений, он рассовал по карманам брюк.

А потому он теперь пошарил в правом кармане брюк. Его пальцы сомкнулись на монете в полкроны. И тут же разомкнулись. Да, он ощущал себя вельможей, но не настолько все-таки вельможным. Что-нибудь в духе двух медяков устроило бы его больше, но он с изумлением обнаружил, что его правый карман, если не считать полкроны, как будто пуст. Он обследовал левый карман. И тот оказался пустым.

Объяснение, естественно, заключалось в том, что купаться в наслаждениях стоит дорого. Нельзя предаваться чревоугодию по ресторанам в обществе прожорливого кока, ка-

таться на автобусах и поездах метро туда-сюда и снова туда, а в заключение сходить в кино и не порастрясти при этом свой капитал. Волей-неволей Сэму пришлось признать, что эти полкроны остались единственной имеющейся у него в распоряжении монетой. А потому он был готов оставить мысль о вельможной щедрости и отправиться дальше, как вдруг вокалист, расправившись с «Ты из девушек тех, кого забывают мужчины», затянул другую популярную балладу под названием «Морякам все равно». И разумеется, желание опровергнуть содержащийся в этих словах поклеп на великое братство, коего он был членом-любителем, заставило Сэма не поскупиться.

Полкроны перешли из кармана в карман.

Сэм пошел дальше. В четверть двенадцатого ночи к востоку от Веллингтон-стрит практически нет ничего, что могло развлечь или заинтересовать прогуливающегося человека, а потому он перешел улицу и повернул на запад. Не успел он пройти и нескольких шагов, как очутился перед ярко освещенной витриной ресторанчика, который, казалось, специализировался на моллюсках. Поверхность за стеклом была вымощена соблазнительнейшими устрицами. Сэм остановился как вкопанный. В устрице, уютно угнездившейся в своей раковине, есть нечто такое, что в часы, когда театры закрываются и Лондон начинает предаваться ночному веселью, действует на благонамеренного человека как зов военной трубы. На Сэма внезапно нахлынула грызущая потреб-

ность подкрепиться. Устрицы с ржаным хлебом и чуточкой портера, понял он, явятся достойным завершением восхитительного вечера. Он вытащил бумажник. Пусть завтра это заставит остановить выбор на костюме подешевле, одна из этих банкнот подлежала немедленному размену.

Когда Сэм впоследствии вспоминал этот миг, ему казалось, что он сразу же ощутил, что бумажник как-то странно похудел. Он утратил симпатичную пухлость, словно его сразила долгая изнуряющая лихорадка. У Сэма, когда он открыл его, даже сложилось впечатление, что он совершенно пуст.

Нет, абсолютно пуст он не был. Правда, ни единой банкноты в нем не осталось, но его недра что-то хранили – грязный исписанный карандашом листок. В лучах света, льющихся из ресторанной витрины, Сэм прочел карандашные письмена:

> «Дорогой Сэм. Ты, конечно, удивишься, Сэм, узнав, что я занял твои деньги. Дорогой Сэм, я пришлю их назад завтра днем без задержки. Эту гончую никто не обойдет, Сэм, вот я и занял твои деньги.
>
> Надеюсь, это застало тебя в полном благополучии.
>
> Вечно твой,
>
> *Кларенс Тодхантер».*

Сэм взирал на эту изысканную эпистолу разинув рот. На мгновение ее смысл представился ему темным. Особенно из-за «гончей».

Затем в отличие от исчезнувших банкнот память верну-

лась к нему.

Транспортных средств на улицах поубыло, и недавний рев сменился утробным рокотанием. Словно Лондон, сочувствуя его горю, деликатно понизил свой оглушительный голос. И голос его был до такой степени приглушен, что ушей Сэма вновь достиг голос вокалиста на Веллингтон-стрит, и в песне его зазвучала горькая истина, которая ускользнула от внимания Сэма, когда он в первый раз услышал эту балладу.

– «Морякам все равно, – надрывался вокалист. – Морякам все равно. Это соль в их крови. Морякам все равно».

4. Сцена перед модным ночным клубом

Умственное и душевное состояние человека, который в половине двенадцатого ночи внезапно обнаруживает, что он оказался в сердце гигантского города без гроша в кармане и без крова над головой, не может не оставаться ошеломленным некоторый срок. Первой более или менее осмысленной мыслью Сэма было вернуться и попытаться забрать свои полкроны у бродячего менестреля. Но после краткого размышления он отбросил этот план как взыскующий идеала, но на практике неприменимый. Его знакомство с вокалистом было мимолетным, но достаточным, чтобы обнаружить, что тот не принадлежит к тем редчайшим возвышенным натурам, которые возвращают врученные им полкроны. Вокалист был стар и дряхл, но до подобного маразма он еще далеко не созрел. Нет, выход следовало искать в чем-то совсем другом, и Сэм в глубоком размышлении медленно направился в сторону Чаринг-Кросс.

Он далеко еще не впал в безнадежное отчаяние. Наоборот, его настроение в данный момент можно было бы назвать оптимистичным, ибо он сообразил следующее: если эта катастрофа была назначена Судьбой с начала времен – как, наверное, и было, хотя гадалка о ней не упомянула, – то вряд

ли для нее можно было бы выбрать более подходящее место.

Только что завершился банкет выпускников Райкина, из чего следовало, что эта часть Лондона кишит людьми, которые учились с ним в школе и, без сомнения, с восторгом выручат его кратковременным заемом. В любую секунду он мог наткнуться на доброго старого школьного товарища.

И почти сразу же наткнулся. Вернее, старый школьный товарищ наткнулся на него. Он как раз оказался перед театром «Водевиль» и остановился, взвешивая, нет ли смысла перейти улицу и посмотреть, не будет ли охота удачнее на той стороне, и тут ему в спину ударило твердое тело.

– Простите! Прошу прощения! Прошу! Прошу! Прошу!

Голос этот несколько лет отсутствовал в жизни Сэма, но он узнал его, еще не успев восстановить равновесия. И ликующе обернулся к полноватому краснолицему молодому человеку, который не без труда подбирал шляпу с мостовой.

– Извините, – сказал Сэм, – но вы удивительно похожи на моего знакомого по имени Дж. У. Брэддок.

– Я – Дж. У. Брэддок.

– А! – сказал Сэм. – Это объясняет ваше сходство с ним.

Он с теплой радостью оглядел своего былого соседа по кабинету для занятий. Он в любое время был бы рад увидеть старика Брэддера, но именно в это время он был особенно рад его увидеть. Как мог бы выразиться сам мистер Брэддок, он был обрадован, восхищен, доволен, счастлив и в полном восторге. Уиллоуби Брэддок, подтверждая приго-

вор двух щеголей, был явно под некоторым влиянием винных паров, но Сэм не исповедовал пуританство, и его чувств это не оскорбляло. Главное, что в мистере Брэддоке произвело впечатление, заслонившее все остальное, была лежавшая на нем печать богатства. Все в мистере Брэддоке говорило о свойстве, бесподобнее которого нет, – о том, что он принадлежит к такого рода людям, которые дадут взаймы пять фунтов и глазом не моргнут.

Тем временем Уиллоуби Брэддок завладел своей шляпой и теперь небрежно водрузил ее себе на голову. Лицо у него побагровело, а глаза, всегда чуточку выпуклые, казалось, торчали, как у улитки, и притом у очень пьяной улитки.

– Язлрчь, – объявил он.

– Прошу прощения? – сказал Сэм.

– Я сказал речь.

– Да, я об этом слышал.

– Вы слышали мою речь?

– Я слышал, что вы произнесли речь.

– Как вы могли слышать мою речь? – спросил мистер Брэддок, очень заинтригованный. – Вы там не обедали.

– Да, но…

– Обедать там вы не могли, – продолжал логично рассуждать мистер Брэддок, – потому что фрак был обязательным. А вы не обязательны. Я вам одно скажу: говоря строго между нами, я понятия не имею, кто вы такой.

– Ты меня не узнаешь?

– Нет, я тебя не узнаю.

– Возьми себя в руки, Брэддер. Я Сэм Шоттер.

– Шэм Соттер?

– Если тебе больше нравится так, то безусловно. Но я привык произносить «Сэм Шоттер».

– Сэм Шоттер?

– Вот именно.

Мистер Брэддок побуравил его глазами.

– Послушайте, – сказал он. – Я вам кое-что скажу, кое-что для вас интересное, кое-что очень для вас интересное. Вы – Сэм Шоттер.

– Вот-вот.

– Мы учились вместе в школе.

– Учились.

– Милая старая школа!

– Вот именно.

Лицо мистера Брэддока выразило неописуемое восхищение. Он схватил руку Сэма и горячо ее потряс.

– Как поживаешь, дорогой мой старик, как поживаешь? Старина Шэм Соттер, черт возьми! Черт побери! Черт дери! Господи Боже ты мой! Только подумать! Ну, прощай!

И с сияющей улыбкой он внезапно ринулся через мостовую и был таков.

Самое мужественное сердце не свободно от черных минут. Уныние с гиком овладело Сэмом. Нет муки, равной агонии, которую испытывает человек, который намеревал-

ся занять деньжат и обнаруживает, что слишком долго с этим тянул. Сутулясь, он побрел на восток. Свернул на Чаринг-Кросс-роуд, а затем по Грин-стрит вышел на Лейстер-сквер. Он апатично плелся по краю площади, а затем, взглянув вверх, узрел выгравированные на стене слова: «Пэнтон-стрит».

Он остановился. В названии ему почудилось что-то знакомое. Тут он вспомнил. «Гневный сыр», этот притон богатства и фешенебельности, в который направлялись эти типусы Бейтс и Тресиддер, находился на Пэнтон-стрит.

Вновь в Сэме взыграла надежда. Миг тому назад его душу снедала тоска, но теперь он расправил плечи и ускорил шаги. Чудесный старина Бейтс! Редкостный старина Тресиддер! Вот те, кто выручит его из этой переделки.

Теперь он ясно видел, какими ошибочными бывают незрелые приговоры, которые мы выносим в юности. Неопытный подросток, он взирал на Бейтса и Тресиддера желчным взглядом. С поспешностью юности он определил их как зануд и поганцев. Да, и даже встретившись с ними полчаса назад после многих лет, он не сумел распознать их природного благородства. И только теперь, шагая по Пэнтон-стрит пружинистой походкой леопарда, идущего по следу, он наконец осознал, какие они замечательные ребята и как они дороги его сердцу. Замечательные товарищи, на большой палец оба. А когда он вспомнил, что, в мальчишеской слепоте к идеальным качествам Бейтса, он как-то шесть

раз прошелся по его спине тросточкой, то просто сгорел от стыда и раскаяния.

Найти «Гневный сыр» оказалось нетрудно. Этот новейший из лондонских ночных клубов не страдал ни застенчивостью, ни пугливостью. Его двери стояли нараспашку, и вереница такси высаживала прекрасных дам и элегантных мужчин. Кроме того, чтобы самые последние тупицы могли без труда его опознать, на тротуаре напротив дверей стоял необъятный швейцар, облаченный в великолепную полную парадную форму чехословацкого фельдмаршала. Голову его венчала фуражка, обвитая алой лентой, на которой большие золотые буквы кричали: «Гневный сыр».

– Добрый вечер, – сказал Сэм, резво приблизившись к этой живописной персоне. – Мне нужен мистер Бейтс.

Фельдмаршал поглядел на него холодно. Можно было даже подумать, что Сэм ему антипатичен. Сэм был не в силах понять почему. Сам он, в предвкушении верного заема, готов был любить всех и вся.

– Мистро?

– Мистер Бейтс.

– Мистер Йетс?

– Мистер Бейтс. Мистер Бейтс. Вы знаете мистера Бейтса? – осведомился Сэм. И таким стимулирующим был ритм мелодии, которой в эту минуту разразился невидимый оркестр, что он чуть было не добавил: «Он медведь, медведь, медведь».

– Бейтс?

– Или Тресиддер?

– Так кто вам нужен-то? – брюзгливо сказал фельдмаршал.

В этот момент на противоположной стороне улицы возникла фигура мистера Уиллоуби Брэддока, который шел с необычайной быстротой. Глаза его были устремлены прямо вперед. Шляпу он потерял.

– Брэддер! – завопил Сэм.

Мистер Брэддок оглянулся через плечо, помахал рукой, улыбнулся улыбкой несказанной нежности и исчез в ночи.

Сэм оказался перед извечной дилеммой синицы в руке или журавля в небе. Погнаться ли ему за этим блуждающим огоньком или избрать здравую консервативную политику и подоить человека, имеющегося в наличии? Как тут поступил бы Наполеон?

Он решил остаться на месте.

– Я с ним в школе учился, – счел он нужным объяснить.

– Хо! – сказал фельдмаршал, приобретая сходство с чучелом старшего сержанта.

– А теперь могу я увидеть мистера Бейтса?

– Не можешь.

– Но он же там, внутри!

– А ты здесь, снаружи, – указал фельдмаршал.

Он отошел, чтобы помочь молоденькой барышне очень легкомысленного вида выйти из такси. И тут кто-то сказал

со ступенек:

– А, вот и ты!

Сэм облегченно вздохнул. В освещенных дверях стоял милый старик Бейтс.

Из четырех человек, которые образовали маленькую группу у порога «Гневного сыра», теперь трое заговорили хором.

Милый старик Бейтс сказал:

– Чудненько! Уже думал, ты не явишься.

Барышня сказала:

– Извини, что задержалась, старая подошва.

Сэм сказал:

– А, Бейтс!

В этот момент он стоял чуть в стороне от ядра группы, и его слова пропали втуне. Барышня вошла в двери. Бейтс приготовился следовать за ней, но тут Сэм снова заговорил. И на этот раз никто в пределах солидного радиуса не мог бы его не услышать.

– Эй, Бейтс!

– Ох! – сказал фельдмаршал, потирая ухо. В его голосе слышались упрек и неприязнь.

Бейтс обернулся, увидел Сэма, и на его лице изобразилось потрясение, какое испытывает человек, весело прогуливаясь среди роз, когда перед ним вдруг разверзается жуткая бездна, или выползает страшная змея, или из кустов выпрыгивает свирепый лев. В этот критический момент Клод Бейтс не стал колебаться. Могучим прыжком спиной вперед – за-

помни он его и сумей позже воспроизвести во время танцев, то снискал бы всеобщее восхищение – он скрылся из виду, оставив Сэма беспомощно глядеть ему вслед.

Большая толстая лапа, отнюдь не сердечно опустившись на плечо Сэма, заставила его очнуться от забытья. Фельдмаршал смотрел на него с отвращением, которое теперь и не пытался скрывать.

– Вали отсюда, – сказал фельдмаршал. – Нам здесь такие не требуются.

– Но я же учился с ним в школе, – пробормотал Сэм. Все произошло столь внезапно, что даже и теперь он не мог полностью осознать, что от него отреклась, так сказать, практически его собственная плоть и кровь.

– И с ним тоже в школе учился? – сказал фельдмаршал. – Да ты кроме Борстала ни одной школы в глаза не видел. Вали, да поживей, пока я полицейского не позвал.

А в ночном клубе Клод Бейтс, подкрепив свою нервную систему виски с содовой, излагал своему другу Тресиддеру повесть о своем чудесном спасении.

– Прямо-таки рыскал у дверей! – заключил Бейтс.

– Ужас! – сказал Тресиддер.

5. Тягостное происшествие у кофейной палатки

Лондон замер. Его окутала тишина, лишь изредка нарушаемая погромыхиванием проносящегося где-то такси да шагами путника, торопящегося вернуться под родной кров. Свет фонарей озарял поблескивающие улицы, задумчивых полицейских, бесшумно ступающих кошек и молодого человека в костюме ниже всякой критики, чья вера в человеческую натуру упала до нуля.

У Сэма теперь не было определенной цели. Он просто шел и шел куда глаза глядят, убивая время. Так он скитался, пока не заметил, что фешенебельные кварталы остались позади и он вступил в более убогие пределы. Здания стали грязнее, вид бродячих кошек – более зловещим и разбойничьим. Собственно говоря, он достиг района, который, несмотря на усилия местных обитателей присвоить ему название Нижней Белгравии, все еще известен как Пимлико. И там, вблизи от начала Лупус-стрит, из медитации его вывел вид палатки, торговавшей кофе.

И он встал как вкопанный. Вновь он внезапно почувствовал тот же грызущий голод, который атаковал его перед устричным ресторанчиком. И почему он голоден, учитывая, что не так уж много часов назад им был съеден обильный

обед? Ответить на этот вопрос Сэм не мог. Психолог, присутствуй он здесь, объяснил бы ему, что муки голода, которые он якобы ощущал, были лишь плодом воображения – так его подсознательное «я» реагировало на мысль о еде. Сэм, однако, имел точную внутреннюю информацию прямо противоположного характера, и он застыл перед палаткой, пожирая ее волчьим взглядом.

Клиентов в наличии было не много. Всего три. Мужчина в подобии мундира, которым, видимо, подметал улицы. Двое других производили впечатление джентльменов с неограниченным количеством досуга. Они благодушно опирались о стойку и ели крутые яйца.

Сэм осуждающе смотрел на них. Именно такого рода эпикурейство, чувствовал он, и было язвой, губящей империи. А когда человек в подобии мундира, пресытившись крутыми яйцами, направился к окошечку, чтобы добавить к ним кусок тминного кекса, Сэму почудилось, что он наблюдает одну из оргий, которые предшествовали падению Вавилона.

Подобно всем завсегдатаям кофейных палаток, они беседовали о королевской семье, и недолгое время казалось, что между ними царит абсолютная гармония. Затем человек в подобии мундира категорично заявил, что герцог Йоркский усат, а джентльмены с неограниченным количеством досуга объединились в стойкую оппозицию.

– Нет у его усов, – сказал один.

– Никаких усов у его нет, это точно, – сказал другой.

– И с чего это ты взял, – сказал первый джентльмен, будто у его усы? Чего это тебе такая чушь в башку втемяшилась?

– У него подстриженные усики, – стойко парировал человек в подобии мундира.

– Постриженные усики?

– Подстриженные усики.

– Ты, говоришь, у его подстриженные усики?

– Ага! Подстриженные усики.

– Ну, раз так, – заявил лидер оппозиции с видом знаменитого адвоката, который ловко заставил упирающегося свидетеля дать роковое показание, – тут-то ты и дал маху. Потому как у его нет подстриженных усиков.

Сэму показалось, что ему стоит прибегнуть к хитроумной дипломатии. Он не имел удовольствия быть знакомым с герцогом, а потому, в сущности, ему не следовало бы брать на себя роль арбитра, но он решил поддержать человека в подобии мундира. Доброе расположение столь состоятельного и неприжимистого человека стоило заслужить. Воспаряя на крыльях оптимизма, он предположил, что крутое яйцо и чашка кофе – наименьшая награда, какой может ожидать верный сторонник. Он вступил в круг света и решительно заявил:

– Этот джентльмен прав, герцог Йоркский носит подстриженные усики.

Это вмешательство, казалось, произвело на троих спорщиков эффект разорвавшейся бомбы. Так могло бы подей-

ствовать непрошеное мнение, которое высказал бы молодой и совсем еще зеленый член «Атенеума», на компанию епископов и генералов в курительной клуба. На секунду воцарилось шокированное молчание, а затем человек в подобии мундира разверз уста.

– Чего это ты суешь свое грязное рыло, куда тебя не просят? – холодно осведомился он.

Шекспир, знавший так много, что его уже не могла удивить человеческая неблагодарность, вероятно, принял бы это новейшее ее доказательство с достойным стоицизмом. Но Сэма она сокрушила. Он ожидал изъявлений некоторого неудовольствия со стороны двух джентльменов оппозиции, но чтобы его сочувствие и поддержка нашли такой прием у человека в подобии мундира – нет, он был совсем уничтожен. Казалось, в эту ночь ему было суждено вызывать антипатию у людей в подобии мундира.

– Ага, – согласился лидер оппозиции, – кто тебя просил влезать?

– Ходют тут всякие, суются! – презрительно фыркнул человек в подобии мундира.

Все трое сотрапезников уставились на него с глубоким неодобрением. Владелец палатки, молчаливый волосатый мужчина, ничего не сказал. Но и он бросил в сторону Сэма взгляд, полный ледяной надменности. Атмосфера стала напряженной.

– Я же только сказал… – начал Сэм.

– А кто тебя просил? – отпарировал человек в подобии мундира.

Ситуация становилась попросту грозной. Однако в этот кульминационный момент послышалось тарахтение, скрип тормозов, у тротуара остановилось такси, и из его глубин вылетел мистер Уиллоуби Брэддок.

– Чашку кофе пжлста, – объяснил мистер Брэддок Вселенной.

6. Друг в беде

Есть в жизни такие великие моменты, которые трудно поддаются описанию. Простой труженик пера, чье дарование, если оно имеется, сводится к изложению событий, но не к анализированию эмоций, встает перед ними в тупик. Сказать, что у Сэма, при этом внезапном возвращении его старого друга, отлегло от сердца, значит не сказать ничего. Но крайне трудно отыскать слова, которые отвечали бы подобному случаю. Так что проще ограничиться указанием, что его чувства в пресловутый момент в точности совпадали с чувствами гарнизона, осажденного дикарями в последней части супер-суперфильмы, когда на экране вспыхивает титр: «Ура! Подоспела морская пехота Соединенных Штатов!»

И к неистовому ощущению сердечнейшей благодарности тут же подметалась мысль, что он никак не должен упустить беднягу в третий раз.

– Э-эй! – сказал мистер Брэддок, осознавая, что ему в рукав вцепилась чья-то рука.

– Все в порядке, Брэддер, старина, – сказал Сэм. – Это всего лишь я.

– Кто?

– Я.

– Кто – я?

– Сэм Шоттер.

– Сэм Шоттер?

– Сэм Шоттер.

– Сэм Шоттер, который учился со мной в школе?

– Он самый.

– Ты – Сэм Шоттер?

– Да.

– Так оно и есть! – заявил мистер Брэддок с полным убеждением и изъявил величайший восторг по поводу такой встречи. – Нибчайное спадение, – продолжал он, любовно разминая плечо Сэму. – Только час назад я разговаривал о тебе на Стрэнде с одним типусом.

– Да неужели, Брэддер, старина?

– Да. С гнусным таким, опасным типом. Я наткнулся на него, а он оборачивается и сразу говорит: «Знаешь Сэма Шоттера?» И нарассказал мне о тебе много всякой интересной всячины, всякой интереснейшей всячины. Я, правда, позабыл какую, но ты понимаешь, о чем я.

– Абсолютно, Брэддер. А что сталось с твоей шляпой?

Лицо Уиллоуби Брэддока озарилось неизъяснимым облегчением.

– У тебя моя шляпа? Где она?

– У меня нет твоей шляпы.

– Но ты же сказал, что моя шляпа у тебя.

– Нет, я этого не говорил.

– А! – произнес мистер Брэддок разочарованно. – Ну так давай выпьем по чашечке кофе.

С чувством путешественника, который после бурь и ураганов наконец-то достигает тихой гавани, Сэм расположился у стойки, которая столь долго оставалась землей обетованной, созерцаемой с отдаленной вершины Фасги. Два джентльмена оппозиции успели растворить ся в ночи, но человек в подобии мундира остался и доедал свой тминный кекс с некоторым вызовом.

– Этот джентльмен твой друг, Сэм? – спросил мистер Брэддок, заказав яйца и кофе.

– Ни в коем случае! – ответил Сэм брезгливо. – Он же утверждает, что герцог Йоркский носит подстриженные усики!

– Не может быть! – шокированно сказал мистер Брэддок.

– Стоит на этом.

– Ну значит, он полный осел.

– Наверное, его стукнули головой, когда он был младенцем.

– Лучше ничего с ним общего не иметь! – конфиденциально проревел мистер Брэддок.

Это был восхитительный поздний ужин. Сэм всегда питал к Уиллоуби Брэддоку теплейшие чувства, и широкий жест, которым тот заказал еще крутых яиц, доказал ему, что он отдал свою юную дружбу тому, кто ее вполне заслуживал. По его телу начинала разливаться приятная теплота. Кофе принадлежал к тому сорту, который вы отпиваете, а затем делаете еще несколько глотков просто для проверки, действи-

тельно ли он такой скверный, каким показался. Но он был горячим и согревающим. И вскоре мир показался Сэму отличным местечком. Он преисполнился благодушием, с любезным вниманием выслушал подробнейшее описание речи, которую мистер Брэддок произнес на банкете выпускников Райкина, и даже смягчился настолько, что протянул оливковую ветвь человеку в подобии мундира.

– Смахивает на дождик, – сказал он по-дружески.

– Кто смахивает? – с недоумением спросил мистер Брэддок.

– Я обращался к джентльмену у тебя за спиной, – объяснил Сэм.

Мистер Брэддок опасливо покосился через плечо.

– Но разве мы разговариваем с ним? – спросил он мрачно. – Я думал…

– О да, – снисходительно сказал Сэм. – Я уверен, он, в сущности, отличный малый, его только надо узнать поближе.

– А почему ты считаешь, что он смахивает на дождь? – любознательно осведомился мистер Брэддок.

Но тут к их маленькой компании присоединился шофер такси. Он сказал, что не знает, какие у мистера Брэддока планы, но лично он желал бы добраться до постели. Мистер Брэддок потрепал его по плечу, излучая bonhomie[2].

– Это, – сообщил он Сэму, – замечательнейший типус. Я позабыл, как его зовут.

---

[2] Дружелюбие, благожелательность *(фр.)*.

Шофер сообщил, в свою очередь, что его фамилия Ивенс.

– Ивенс! Ну конечно же! Я знал, что она начинается с «М». Сэм, это мой друг Ивенс. Я забыл, где мы познакомились, но он везет меня домой.

– А где ты живешь, Брэддер?

– Где я живу, Ивенс?

– В Вэлли-Филдз, вы сказали, – ответил шофер.

– А ты где живешь, Сэм?

– Нигде.

– То есть как – нигде?

– У меня нет дома, – ответил Сэм просто и трогательно.

– Я б тебе его зараз выкопал, – сказал человек в подобии мундира.

– Нет дома? – вскричал мистер Брэддок, тронутый до глубины души. – Тебе негде сегодня лечь спать? Послушай, вот что: ты обязательно должен поехать со мной. Ивенс, старина, как по-твоему, в твоем такси хватит места еще на одного? Так как я хочу, чтобы этот джентльмен непременно поехал со мной. Мой милый Сэм! Старик, я не стану слушать никаких возражений!

– Тебе и не придется.

– Можешь лечь на диване в гостиной. Ты готов, Ивенс, старина? Великолепно! Так едем!

Лупус-стрит, Пимлико, от Берберри-роуд, Вэлли-Филдз, отделяют несколько миль, но Сэму путь показался очень коротким. Иллюзией этой он был обязан не столько увлека-

тельности монолога мистера Брэддока, хотя монолог этот не смолкал, но тому факту, что, утомленный событиями этой ночи, он задремал еще на мосту через Темзу. Проснувшись, он обнаружил, что такси стоит перед жердяной калиткой, за которой короткая песчаная дорожка ведет к оштукатуренному дому. Слабого сияния уличного фонаря хватало, чтобы озарить название «Сан-Рафаэль». Мистер Брэддок расплатился с шофером и увлек Сэма в калитку. После недолгих поисков он извлек из кармана ключ и, поднявшись на крыльцо, отпер дверь. Сэм очутился в маленькой прихожей, смутно освещенной привернутым газовым рожком.

– Входи-входи, – сказал мистер Брэддок. – А я сейчас. Надо повидать одного типуса.

– Надо – что? – в изумлении спросил Сэм.

– Повидать одного типа. Типуса по фамилии Ивенс, который учился со мной в школе. Дело не терпит отлагательств.

И с той странной снайперской мгновенностью, которая характеризовала его передвижения в эту ночь, Уиллоуби Брэддок исчез, громово захлопнув дверь.

Внезапное исчезновение его гостеприимного хозяина вызвало у Сэма смешанные чувства. В графу «кредит» он мог занести тот факт, что обрел кров, о чем час назад и не мечтал. Однако он сожалел, что перед уходом его друг не намекнул ему, где находится эта гостиная с диваном, на каковом ему предстояло провести остаток ночи.

Впрочем, недолгие поиски, конечно, откроют местона-

хождение этой потайной комнаты. Вполне возможно, что она находится непосредственно за дверью, выходившей в прихожую.

Он уже поворачивал ручку, чтобы проверить эту гипотезу, когда голос у него за спиной произнес мягко, но с ошеломляющей внезапностью:

– Руки вверх!

У нижней ступеньки лестницы, решительно сжав широкий рот в узкую линию, сверкая бигуди в белобрысых волосах, стояла молодая женщина в розовом халате и тапочках. В правой руке она держала револьвер, нацеленный на его голову.

7. Сэм в «Сан-Рафаэле»

Не каждой девушке, напророчившей что-либо, дано увидеть, как ее пророчество сбывается через какие-то жалкие часы, а потому эмоции Клэр Липпет, когда она взяла Сэма на мушку в прихожей «Сан-Рафаэля», были родственными тем, которые охватывают человека, когда он видит, как его лошадь приходит первой или неожиданно решает кроссворд. Вечером она сказала, что в дом вторгнется грабитель, и вот пожалуйста, стоит перед ней как миленький. А потому к неодобрению, которое вызывал в ней этот полуночный тать, примешивалась почти благодарность за то, что он сюда вторгся. Страха она не испытывала ни малейшего и револьвер сжимала недрогнувшей рукой.

Слово «револьвер» тут употреблено ради верности техническим деталям, но растерявшемуся Сэму казалось, будто он видит артиллерийское орудие, и оно произвело на него такое впечатление, что он посвятил ему свои первые слова, хотя по законам этикета им следовало бы содержать изящное извинение или объяснения причины его вторжения.

– Поосторожней с этой гаубицей! – предупредил он настойчиво.

– Чего? – холодно произнесла Клэр.

– Это смертоносное оружие… поосторожней с ним. Оно нацелено на меня.

– Я знаю, что оно нацелено на тебя.

– Ну, если только нацелено… – сказал Сэм с облегчением. Его заметно успокоила неколебимая твердость ее тона. Во всяком случае, перед ним была не нервничающая боязливая особа женского пола, какую нельзя подпускать к спусковому крючку ближе чем на фут.

Наступила пауза. Клэр, не отводя револьвера, открыла пошире кран газового рожка. После чего, справедливо чувствуя, что шар беседы следует запустить ему, Сэм снова заговорил.

– Вы, конечно, удивлены, – сказал он, заимствуя идею у мистера Тодхантера, – видя меня тут.

– Вот и нет.

– Нет?

– Нет. А руки свои не опускай.

Сэм вздохнул.

– Вы бы не говорили со мной в столь суровом тоне, – сказал он, – если бы знали, чего мне пришлось натерпеться. Не будет преувеличением сказать, что я подвергался непрерывным преследованиям.

– А ты бы не вламывался в чужие дома, – чопорно посоветовала Клэр.

– Вы исходите из вполне естественной ошибки, – сказал Сэм. – Я не вламывался в этот очаровательный домик. Мое присутствие тут, миссис Брэддок, как это ни покажется странным, объясняется очень просто.

– Кого это ты обзываешь миссис Брэддок?

– А разве вы не миссис Брэддок?

– Нет.

– Вы не замужем за мистером Брэддоком?

– Нет, не замужем.

Сэм был молодым человеком, отличавшимся большой терпимостью.

– Ну что же, – сказал он, – в глазах Божьих, без сомнения…

– Я кухарка.

– А! – сказал Сэм. – Тогда все понятно.

– Что понятно?

– Ну, видите ли, на миг могло показаться странным, что вы прыгаете здесь в такой час ночи с бигуди в волосах, а ваши беленькие лодыжки выглядывают из-под халата.

– Ой! – воскликнула Клэр в целомудренном замешательстве, быстро расправив и одернув складки вышеупомянутого одеяния.

– Но если вы кухарка мистера Брэддока…

– Кто сказал, что я кухарка мистера Брэддока?

– Вы!

– Не говорила я этого. Я кухарка мистера Ренна.

– Мистера… какого мистера?

– Мистера Ренна.

Такого осложнения Сэм не предвидел.

– Давайте разберемся, – сказал он. – Должен ли я понять,

что этот дом не принадлежит мистеру Брэддоку?

– Да, должен. Он принадлежит мистеру Ренну.

– Но у мистера Брэддока был ключ от входной двери.

– Он тут гостит.

– А!

– Чего «а!»?

– Я подразумевал, что все обстоит не так плохо, как я было подумал. На секунду я испугался, что вошел не в тот дом. Но все в порядке. Видите ли, я час назад встретился с мистером Брэддоком, и он привез меня сюда переночевать.

– О? – отозвалась Клэр. – Привез, значит? Хо! Так, значит?

Сэм тревожно посмотрел на нее. Ему не понравился ее тон.

– Но вы же мне верите?

– Нет, не верю.

– Но ведь…

– Если тебя сюда привез мистер Брэддок, то где он?

– Ушел. Он, должен с сожалением констатировать, нализался, и довольно сильно. Впустив меня, он тут же выскочил вон и хлопнул дверью.

– Это надо же!

– Но послушайте, моя милая…

– Хватит! – сурово одернула его Клэр. – На что же это похоже? Не успеет девушка изловить грабителя, а он к ней уже подъезжает.

– Вы ошибаетесь! – сказал Сэм. – Вы ко мне несправедливы! Я лишь хотел сказать…

– Вот и не говори!

– Но это же нелепо! Боже мой, подумайте немножко! Если я говорю неправду, так откуда же я мог узнать про мистера Брэддока?

– А поспрашивал тут и там. Я вот что скажу: будь ты правда порядочный и знакомый мистера Брэддока, так не разгуливал бы в такой рванине, будто безработный грузчик.

– Ну, я только что сошел с грузового судна. И вообще, не следует судить о людях по наружности. Вас этому еще в школе должны были научить.

– Не твое дело, чему меня в школе учили.

– Но вы заблуждаетесь на мой счет. Я миллионер… вернее, мой дядя миллионер.

– А мой дядя – шах персидский.

– И несколько недель назад он отправил меня в Англию. Плыть я должен был на «Мавритании», но это значило бы делить каюту люкс с неким лордом Тилбери, а эта перспектива меня не прельщала. А потому я опоздал на пароход и добрался сюда на грузовом судне.

Он умолк. У него возникло неприятное ощущение, что объяснение это выглядит несколько натянутым. Он быстро просмотрел всю историю в уме. Да, очень даже натянутым.

И выражение на лице решительной юной кухарки перед ним не оставляло сомнений, что она придерживается точно

такого же мнения.

Она скептически наморщила носик, а кончив наморщивать, фыркнула весьма презрительно.

– Не верю ни единому слову, – сказала она.

– Я этого и опасался, – сказал Сэм. – Хотя каждое из них – святая истина, звучат они фальшиво. Чтобы переварить эту историю, необходимо знать лорда Тилбери. Если бы вы имели сомнительное удовольствие быть знакомой со старыми занудами такого калибра, вы бы поняли, что иного выхода у меня не было. Однако, если вам это не по силам, махнем рукой и подойдем к делу под другим углом. Видимо, вся беда – в моей одежде, а потому я делаю вам выгодное предложение. Забудьте о ней, разрешите мне провести остаток ночи на диване в гостиной, и наградой вам послужит не только град благословений, но я поклянусь – вот прямо сейчас, – что через день-два навещу этот дом и покажусь вам в таком костюме, что пальчики оближешь. Вы только вообразите! С иголочки новый костюм, сшитый по заказу, шелковая подкладка, сшитый вручную, клапаны на карманах, а внутри – я! Ну как, договорились?

– Нет.

– Подумайте хорошенько! Едва увидев этот костюм, вы скажете себе, что пиджак словно чуточку топорщится. И окажетесь правы. Пиджак будет чуточку топорщиться. А почему? А потому что боковой карман будет оттопыривать большая коробка лучшего шоколадного набора в мире, подарок

для доброй девушки. Согласны, а? Право воспользоваться гостиной на немногие оставшиеся часы ночи. Такая, в сущности, малость.

Клэр неумолимо мотнула головой.

– Я рисковать не стану, – сказала она. – Вообще-то следовало бы вывести тебя на улицу и сдать полицейскому.

– И чтобы он увидел вас в бигуди? Нет-нет!

– А чем тебе мои бигуди не угодили?

– Ничем, ничем, – поспешил заверить ее Сэм. – Я восхищен ими. Просто мне в голову пришло, что…

– Не сделаю я это потому, что сердце у меня доброе и я не хочу уж очень прижимать кого.

– Дух, достойный всяческого уважения, – сказал Сэм. – Жалею только, что он не слишком осенял Лондон этой ночью.

– Так что выметайся, и чтоб я больше о тебе не слышала. Выкатывайся, больше я от тебя ничего не прошу. И поживей, мне надо выспаться.

– С шоколадным набором я напутал, – сказал Сэм. – Глупейший промах! На самом деле в этом кармане будет лежать красивая брильянтовая брошка.

– А еще автомобиль, и рубиновое кольцо, и новое платье – с загородным домом в придачу! Катись отсюда!

Сэм смирился с поражением. Доблестный дух Шоттеров был силен, но и его удавалось сломить.

– Ну ладно, ухожу. Вы еще пожалеете, когда на днях мой

лимузин обдаст вас грязью!

– И дверью за собой не хлопай! – приказала безжалостная девица.

8. Сэм в «Мон-Репо»

Остановившись на крыльце и вглядываясь в черный мрак, Сэм обнаружил, что в промежутке между минутой, когда он вошел в «Сан-Рафаэль», и минутой, когда он оттуда вышел, ночь из просто черной стала черной и мокрой. Теперь, заметно усложняя ситуацию, назойливо моросил дождь.

Он простоял так несколько минут в надежде, что вот-вот вернется мистер Брэддок. Но минуты шли, а звук шагов, пусть отдаленный, не нарушал тишины, и после краткой поминальной молитвы, в которой имена Фарша Тодхантера, Клода Бейтса и Уиллоуби Брэддока занимали почетное место, Сэм решил спуститься с крыльца. Когда он оказался на песчаной площадке, то увидел в нескольких шагах слева от себя пьяно клонящуюся к нему доску, и на этой доске прочел слова: «Сдается внаем. Со всей мебелью».

Это навело его на совсем новые мысли. Оказывается, хотя он ничего подобного даже не подозревал, дом, снаружи которого он стоял, был вовсе не домом, но двумя домами. И тот, о котором повествовала доска, был необитаем. Придя к этому заключению, он сразу воспрял духом.

Сэм поспешил по песчаной дорожке и, обогнув угол, смутно разглядел во тьме примыкавшее к стене строение, походившее на оранжерею. Он нырнул внутрь и с приятным ощущением победы над судьбой опустился на деревянную

скамью, предназначенную для горшков с геранью.

Но судьба так просто не сдается. Судьба по каким-то известным только ей причинам решила, что Сэм в эту ночь должен испить чашу сполна, и взялась за дело без промедления. Раздался громкий треск, и деревянная скамья развалилась на части. Сэм обладал множеством превосходных качеств, но он нисколько не походил на герань в горшке и провалился сквозь доску, словно она была бумажной. А судьба, которая никаких правил честных поединков не соблюдает и преспокойно бьет лежачего, немедленно направила ему за шиворот струю воды из дыры в крыше.

Сэм поднялся на ноги, морщась от боли. Теперь он понял, что ошибся, предположив, будто эта оранжерея была тихим приютом для бездомных странников. Он поднял воротник пиджака и гневно прошествовал во мрак. Он направился в обход дома, чтобы проверить, не имеется ли при нем угольный подвал, где человек может обрести если не комфорт, то хотя бы сухость. И тут он споткнулся и увидел открытое окно.

В черноте ночи он мог бы его и не заметить, но страдания обострили все его чувства, и он увидел совершенно ясно открытое окно всего в нескольких футах над землей. До этого мгновения идея проникнуть в дом ему не приходила, но теперь, презрев все законы, не одобряющие подобного поведения, он положил руки на подоконник и забрался внутрь. Дождь, словно разъярившись, что жертва от него ускользну-

ла, хлынул как из ведра.

Сэм осторожно пошел вперед, нащупывая дорогу руками, и очутился у лестницы. Он опасливо поднялся по ней и нащупал справа и слева от себя две двери.

Комната справа оказалась пустой, но в левой стояла кровать. Однако кровать эта была доведена до такого элементарного состояния, что он решил не тревожить ее останки и попытать счастья внизу. Доска снаружи предупреждала: «Сдается внаем. Со всей мебелью», а это намекало на гипотетический диван в гостиной. Он вышел на площадку и начал спускаться.

В момент, когда он начал спуск, все внизу было погружено в полную тьму. Но внезапно тьму эту пронзил лучик света – возможно, испускаемый электрическим фонариком. Он неуверенно шарил по сторонам, словно тот, кто держал фонарик, находился во власти какого-то бурного чувства.

Сэм тоже уже находился во власти бурного чувства. Он остановился и затаил дыхание. Несколько секунд царила полная тишина. Затем он снова задышал.

Полностью контролировать дыхательный аппарат не так-то просто. Певцы тратят годы и годы на приобретение такого контроля. Сноровка же Сэма в этом отношении была самой зачаточной. Он намеревался выпустить запас воздуха из легких осторожно и бесшумно, а затем возобновить его таким же манером. Вместо этого у него вырвался вой, такой громкий и заунывный, что ему самому стало жутко. Какая-то по-

месь фырканья и стона, и она отдалась эхом в пустом доме, точно голос из могилы.

Сэм почувствовал, что это конец. Затаиваться дольше не имело смысла. Тупо негодуя на проклятие, которое преследовало его, начиная с вечера, он стоял, ожидая неизбежного оклика снизу.

Но оклика не последовало. Вместо него раздался быстрый топот, а затем царапанье и шорох. Человек с фонариком быстро удалился через открытое окно.

Сэм в недоумении постоял еще немного. Затем ему в голову пришло логичное объяснение: там внизу светил не сторож, а такой же незаконный посетитель, как он сам. Придя к этому выводу, он не стал тратить времени на дальнейшие размышления. У него отчаянно слипались глаза, и строить предположения относительно личностей ночных взломщиков у него никакого желания не было. Его ум был занят исключительно вопросом, найдется ли в гостиной диван или не найдется.

Диван нашелся, и к тому же достаточно удобный. Сэм достиг той стадии, когда сладко уснул бы и на гвоздях, и этот диван показался ему не менее заманчивым, чем любая новейшая кровать с любыми новейшими пружинными и сеточными матрасами. Он лег, и сон накатился на него как целительная волна.

9. Завтрак на одного

Когда он проснулся, утро было в разгаре. По полу разливались лужицы солнечного света, а снаружи доносилось бодрое погромыхивание тележки. С трудом поднявшись со своего ложа, он обнаружил, что у него сводит шею и чувствует он себя полузадушенным – вполне нормальное состояние человека, который провел ночь в заброшенном доме в комнате с закрытыми окнами. Даже больше, чем горячей ванны и бритья, он жаждал свежего воздуха. По коридору он прошел к окну, через которое проник сюда. За окном виднелся уголок сада, Сэм вылез наружу и вздохнул полной грудью.

Ночной дождь омыл и освежил мир. В солнечных лучах лохматая трава посверкивала алмазами, на деревьях пели птицы. Сэм стоял, впивая сладость всего этого и с каждой минутой чувствуя себя все лучше и лучше.

Затем, проделав гимнастические упражнения с наклонами и потягиванием, которые замечательно облегчают последствия тяжелой ночи, он неторопливо пошел по садовой дорожке, мечтая каким-то волшебным образом в самом недалеком будущем войти в соприкосновение со скромным завтраком.

– Господи Боже ты мой! – произнес голос.

Сэм поднял голову. Над изгородью, отделявшей сад от соседнего, нагибалось знакомое лицо. Его полуночная госте-

приимная хозяйка. Но если тогда она щеголяла бигуди и халатом, то теперь ее аккуратно облегало ситцевое платье, а волосы покрывал симпатичный чепчик. Более того: ее лицо, тогда такое суровое и враждебное, теперь смягчала дружеская улыбка.

– Доброе утро, – сказал Сэм.

– Как вы туда забрались?

– Когда вчера вы выгнали меня в ночной мрак, – с упреком ответил Сэм, – я нашел приют в соседнем доме.

– Вы уж извините, – сказала девушка с раскаянием, – но откуда мне было знать, что вы говорили правду? – Она весело хихикнула. – Мистер Брэддок вернулся через полчаса после того, как вы ушли. Он поднял такой содом, что я опять сбежала вниз.

– И пристрелили его, надеюсь? Нет? По-моему, вы допустили ошибку.

– Ну, тут он спросил, где вы. Сказал, что ваша фамилия Ивенс.

– Он слегка путался. Моя фамилия Шоттер. Я же вас предостерегал, что он был немножко не в себе. И что с ним произошло дальше?

– Лег спать. Я только сейчас отнесла ему поднос с завтраком, но он только посмотрел, зажмурился и застонал. А вы завтракали?

– Не мучьте меня!

– Ну так прыгайте сюда. Я вам что-нибудь соберу в одну

минуту.

Сэм прыгнул. Солнце засияло особенно ярко, а пенье птиц стало вдвое мелодичнее.

– А ванну и бритье сюда включить нельзя? – спросил он, когда они направились к дому.

– Бритвенный прибор мистера Ренна в ванной.

– Это что – рай? – осведомился Сэм. – А мистера Ренна я там, случайно, не найду?

– Да нет. Они с мисс Кей уже полчаса как ушли.

– Превосходно. А ванная где?

– Вверх по лестнице и первая дверь налево. А когда спуститесь, идите вон в ту комнату, и я принесу поднос туда. Это гостиная. Да только в столовой со стола еще не убрано.

– Я буду в восторге осмотреть вашу гостиную, о которой столько наслышан.

– Вы яичницу любите?

– Люблю. И побольше яиц, пожалуйста. А также грудинки – много-много грудинки. Да, и кстати… – сказал Сэм, перегибаясь через перила.

– А?

– …тосты, груды тостов.

– Получите столько, сколько сможете съесть.

– Правда? Объясните мне вот что, – сказал Сэм, – а то я никак не могу сообразить. Каким способом вы натягиваете платье поверх крыльев?

10. Сэм находит фотографию

Сэм, когда он минут через двадцать спустился в гостиную, пребывал, бесспорно, в том, что мистер Фарш Тодхантер определил бы как полное благополучие. Ночь была на редкость скверной, но утро, несомненно, принесло с собой радость. Вид подноса с завтраком на столике у окна окончательно привел его в блаженное настроение, и в течение долгого упоительного времени он был не способен смотреть ни на что другое. И только когда он поглотил яичницу, грудинку, тосты, кофе и мармелад, в нем заговорил инстинкт, обычно сразу же пробуждающийся в человеке, едва он входит в незнакомую комнату, и он занялся осмотром гостиной.

Примерно через полминуты Клэр Липпет, убиравшая посуду со стола в столовой, выронила из рук масленку, вздрогнув от крика или вопля, который как будто раздался в комнате, где она оставила своего гостя.

Кинувшись туда, она обнаружила, что он ведет себя очень странно: тыкал пальцем в фотографию на каминной полке и дико жестикулировал.

– Кто это? – вскричал он, едва она вошла. Казалось, у него возникли затруднения с голосовыми связками.

– А?

– Кто, черт побери, это?

– Не выражайтесь!

– Кто это? Ну, эта девушка – кто она? Как ее зовут?

– Чего вы кричите-то? – оскорбленно сказала Клэр.

Взволновала молодого человека большая фотография в рамке, стоявшая в центре каминной полки. Она запечатлела девушку в охотничьем костюме, стоящую рядом с лошадью. Это была любимая фотография Клэр. Энергичная и лихая стиральщица пыли, обладающая внушительным рекордом кокнутого фарфора и разбитого стекла, это произведение искусства она всегда протирала бережно и осторожно.

– Она-то? – сказала Клэр. – Так мисс Кей, кто же еще?

Шагнув вперед, она смахнула пылинку со стекла.

– Это она еще в Мидуэйзе снималась, два-три года назад, до того как полковник потерял все свои деньги. Я тогда была горничной мисс Кей – ее личной горничной, – добавила она с гордостью, но в ее устремленных на фотографию глазах появилась грусть: ведь для нее она воплощала всю славу и роскошь невозвратного вчерашнего дня, того чудесного былого, которое включало лошадей, и охотничьи костюмы, и старинные печные трубы из красного кирпича на фоне голубого неба, и кроликов в парке, и озеро, сверкающее в солнечных лучах, и все остальное, из чего слагались Мидуэйз и преуспеяние. – Я помню день, когда сделали эту фотографию. Ее в газете напечатали, фотографию то есть.

Но Сэма все еще била лихорадка.

– Мисс Кей? Какая мисс Кей?

– Мисс Кей Деррик, племянница мистера Ренна.

– Вы про человека, который живет тут?

– Ну да. Он предложил мисс Кей свой дом, когда все всмятку разбилось. Вот почему я тут. Я бы могла остаться в Мидуэйзе, если бы захотела, – объявила Клэр. – Новые хозяева меня бы оставили, захоти я. Но я сказала: «Нет, – сказала я. – Я поеду с мисс Кей, – сказала я. – Я ее не брошу в зло… злополучии», – сказала я.

Сэм дернулся, как от электрического шока.

– Не хотите же вы сказать… ну конечно, не хотите… не хотите же вы сказать, что она живет тут?

– Живет, а как же?

– Так не здесь же? Не в этом самом доме?

– А где ж еще?

– Ах, черт!

Сэм содрогнулся с головы до ног. Его осенила потрясающая мысль.

– Ах, черт! – вскричал он снова, и глаза у него выпучились. Затем, не тратя больше слов, ибо настало время не для слов, а для действий, он одним прыжком исчез за дверью.

Выпрыгнуть из входной двери, скатиться с крыльца и очутиться перед доской у изгороди Сэм умудрился во мгновение ока. Под крупными буквами, оповещавшими о сдаче внаем, с мебелью, он теперь различил буковки помельче, сообщавшие всем, кого это могло заинтересовать, что по вопросу о поселении в удобнейшем полуособняке «Мон-Репо» следует обращаться к господам Мэттерсу и Корнелиусу, агентам,

Огильви-стрит, Вэлли-Филдз, Ю.-В. Он галопом взлетел назад на крыльцо и забил кулаками в дверь.

– Чего еще? – осведомилась Клэр.

– Где Огильви-стрит?

– Дальше по улице, первая улица налево.

– Спасибо.

– На здоровье.

На песчаной дорожке он остановился, поразмыслил и вернулся.

– Опять тут? – сказала Клэр.

– Вы сказали «налево» или «направо»?

– Налево.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, – сказала Клэр.

На этот раз Сэм осуществил спуск по ступенькам единым прыжком. Но у самой калитки его осенила еще одна мысль.

– Любите поразмяться, а? – терпеливо сказала Клэр.

– Мне внезапно пришло в голову, – объяснил Сэм, – что у меня нет денег.

– А я-то тут при чем?

– Эти агенты ведь потребуют аванс, верно?

– Похоже, что так. А вы дом хотите снять?

– Я хочу снять «Мон-Репо», – сказал Сэм. – И мне необходимы деньги. Где мистер Брэддок?

– В кровати.

– А в какой комнате?

– Верхний этаж в конце коридора.

– Спасибо.

– К ва-шим услу-гам, – сказала Клэр.

Ее показания, что гость находится в кровати, оказались точными. Сэм, войдя в спальню для гостей, узрел, что его школьный товарищ лежит на спине, рот у него разинут, а волосы спутаны. Он ритмично храпел. На стуле рядом с ним покоился поднос с чайником, тостами и остывшим яйцом всмятку такого язвительного вида, что Сэм, устремляясь к тумбочке, отвел глаза.

Тумбочка, наоборот, ласкала взор. Рядом с коробкой для воротничков мистера Брэддока и его головных щеток высилась миниатюрная гора из банкнот и серебряных монет – в лучах утреннего солнца зрелище абсолютно пленительное. Скрюченными пальцами Сэм сгреб гору, нашел листок бумаги, карандаш и помедлил в поисках нужных слов.

Но глупо пытаться улучшить стиль мэтра. Фарш Тодхантер доказал, что занимает особое место в этом литературном жанре, и Сэм без колебаний взял его за образец. Он написал:

> «Дорогой Брэддер, ты, конечно, удивишься, узнав, что я занял у тебя деньги. Верну их, как Бог даст. Пока же, как сказал сэр Филип Сидни раненому солдату, моя нужда больше твоей.
>
> Надеюсь, это застало тебя в полном благополучии.
>
> *Вечно твой С. Шоттер*».

Затем, прислонив эту записку к коробке для воротничков,

он покинул спальню.

Но на площадке его остановило ощущение, что произошло какое-то упущение, какое-то доброе дело осталось несовершенным. Он вернулся, взял вареное яйцо и осторожно опустил на подушку возле головы своего друга. Совершив это, он вновь спустился по лестнице и вышел на широкую тропу, которая вела к конторе господ Мэттерса и Корнелиуса, агентов, на Огильви-стрит.

11. Сэм снимает дом

Что подумал бы мистер Мэттерс о Сэме, когда тот несколько минут спустя влетел в контору, нам узнать не суждено, ибо мистер Мэттерс скончался в 1910 году. А мистер Корнелиус подумал, что никого гнуснее он еще не видел. После быстрого оценивающего взгляда сквозь очки в золотой оправе он даже поделился своим мнением с посетителем.

– Я не подаю нищим, – сказал он. Был он почтенным старцем с седой бородой и кустистыми бровями, и в голове его звучали интонации жреца-друида, произносящего молитву у алтаря, перед тем как вонзить нож в грудь человека, распростертого на этом алтаре. – Я не верю в слепое сострадание.

– Я запишу вашу исповедь как-нибудь в другой раз, – сказал Сэм. – Пока же поговорим о домах. Я хочу снять «Мон-Репо» на Берберри-роуд.

Друид собрался произнести древние руны, призывающие полицию, но тут он с немалым удивлением увидел, что его молодой посетитель раскладывает на столе денежные купюры в солидном количестве. Он сглотнул. В его конторе клиенты редко вели деловые переговоры в манере, более приличествующей Багдаду «Тысячи и одной ночи», чем респектабельному современному пригороду. Он вряд ли изумился бы больше, если бы по Огильви-стрит прошествовали верблюды, нагруженные сокровищами и пряностями.

– Что это? – спросил он, моргая.

– Деньги, – ответил Сэм.

– Откуда они у вас?

Он бросил на Сэма косой взгляд. И Сэм, в опьянении принятой ванны, бритья, завтрака и заимствованной наличности вновь забывший, что в его внешности есть нечто режущее глаза, узнал еще одного из длинной очереди критиков, не сумевших оценить его по достоинству с первого взгляда.

– Не судите меня по внешней оболочке, – сказал он. – Одежда моя убога, потому что мне пришлось многое испытать. Когда я взошел на борт судна в Нью-Йорке, моя элегантность не оставляла желать ничего лучшего. Люди подталкивали друг друга локтями, пока я шел по пристани, и спрашивали: «Кто это?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.